

Алексей Меркушин

Игры двуликих

16+

...не лезь в чужие тайны!

Алексей Меркушин

Игры двуликих

«Автор»

2012

Меркушин А. В.

Игры двуликих / А. В. Меркушин — «Автор», 2012

"Я готов ответить за каждый миллион, кроме первого..." - эту фразу скажет любой бизнесмен конца девяностых - начала двухтысячных. На набережной обнаружен труп. Предварительное заключение: "сердечный приступ", не убеждает следователя - зная покойного лично, уверен, что дело нечисто. И не зря... В морге покойный лишается руки. Засуетились криминальные и бизнес-круги. Расследование буквально вскрывает "двойное дно" городской элиты; сам следователь и его окружение становятся мишенью тех, кто намерен во что бы то ни стало оставить прошлое похороненным. Раскройте все тайны, вместе с героем дойдя до самого конца... скучно точно не будет!

© Меркушин А. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Меркушин

Игры двуликих

Глава 1

По шумящей волнами набережной идет мужчина, прикладывая белоснежный платок ко лбу. На вид около сорока, подтянутый, он заметно выделяется среди разноцветной толпы гуляющих – строгий серый костюм-тройка; идеально чищенные туфли на высоком каблуке; серый же, но чуть светлее – под цвет костюма галстук, с немного легкомысленным, «цветочным» узором... и крошечный розовый бутон в левом нагрудном кармане – яркое пятно, отвлекающее от лица.

Солнце высоко в небе, шумно резвятся дети под стогим приглядом старших... мужчина бросал короткие, настороженные взгляды из-под полей старомодной шляпы и оценивал... когда его интерес замечали, быстро улыбался и проходил дальше, снова останавливался... В конце одной из аллей он выбрал спрятанную в густом кустарнике лавку и осторожно присел, заранее подстелив под брюки платок.

– Дядя похож на гангстера! – детский голос заставил мужчину обернуться: толстенький пацан лет десяти, с мамой и большим мороженым, глазел на него с дорожки – Я в такую игру играл!

– Миша, нельзя так говорить! Вдруг дядя обидится?

– Все в порядке – человек улыбнулся: получилось слегка натянуто, но в меру искренне... по крайней мере, ему так хотелось.

– Идем: папа, наверное, билеты на колесо взял.

Женщина уволокла чадо к аттракционам: мужчина поморщился, но остался сидеть.

– Здравствуйте, Виталий Петрович – рядом плюхнулся молодой парень, в майке «Love me, baby!» и шортах – Давно ждете?

– Нет.

– Хорошо, боялся опоздать... – собеседник вытащил пачку «Кэмела», закурил – У меня начальство, сами знаете...

– Мне все равно. Давай.

– Сразу и по делу... – парень огляделся и протянул мужчине пластиковую карту – Пинкод на обороте. Сумма полностью, никаких частей: как договаривались.

Молча убрав прямоугольник, «гангстер» дал парню сложенный пополам листок А4.

– Время, место, имена. Фотографии в указанном месте.

– Ага...

– Всего доброго.

Мужчина встал, вытер платком без того играющие на солнце туфли и пошел в сторону выхода из парка.

– Старый козел! – парень, выкинув окуроч, тоже поднялся.

На солнце набежало легкое, почти прозрачное облачко – стало чуть прохладнее, громче зашуршали нападающие на бетонный пандус волны. Кричала девчонка – продавщица: «Газировка! Газировка!»: когда покупали, улыбалась счастливо, будто продать газировку – самая большая радость ее недлинной жизни...

Никто не заметил, как упал мужчина в идеальном костюме: обратили внимание, когда старомодная шляпа, играя с ветром, унеслась в реку. Заохали, подбежали, перевернули... отшатнулись – человек, несомненно, мертв: синее скорченное лицо; не дышит; неестественно подвёрнутая рука, будто он сам – то ли судорога, то ли еще какая прихоть костлявой – решил

ее сломать... Вызвали «Скорую» – толстая докторша пожала плечами, кинула в пустоту «грузим!» и уселась обратно в карету – кто ж захочет возиться с трупом в такую погоду?

Мужчину упаковали в непрозрачный пакет и сунули ногами вперед.

«Скорая» уехала: через полчаса о происшествии забыли.

Глава 2

Июнь, 1997 год.

– Саня, Роцин, левый фланг! Копытов, Некрасов – правый! Беречь патроны!

Лейтенант отдавал приказы четко, намеренно громко – и только его голос вырывал из мутного, бессильного ступора, разом упавшего на бойцов-первогодок. Мощно рокотал пулемет сержанта Громыко: стрелянные гильзы со звоном падали на бетонный пол и латунно блестели в лучах послеобеденного солнца. В воздухе кружила выбитая пулями известь, сыпалась бойцам на головы и, смешиваясь с едким потом, текла по лицам грязными струйками.

Внезапно затих стонущий Ромка Тарасов – первый, кто заметил врагов и открыл огонь, не дав ворваться в здание. Случись такое – и маленькая группа лейтенанта Громова обречена. Тарасов уложил двоих, но не успел скрыться – осколки "РГД" посекали тело, рисуя на ткани новенькой формы бурые потеки...

Разведка доложила – боевиков нет, территория безопасна настолько, насколько это возможно в объятom войной регионе. Село "Знамено" – десяток дворов, три заброшенных стройки; население – старики, женщины, дети. Командование решило отправить новичков, едва устроившихся в казарме.

Разведка, как это часто бывает, ошиблась...

– Звонарев! Уснул? – Громов несильно пнул солдата по ноге – В бой!

Санька широко открытыми серыми глазами наблюдал, как сержант Петров закрыл ладонью глаза Тарасова; как гудящие пули щербят на стенах причудливые рисунки; как танцуют столбы пыли в косых лучах солнца, беля погоны матерящегося Громыко...

Предупреждали, что будет страшно, но Звонарев не верил – смеялся в лицо пугливым однослуживцам, заявляя: "Посмотрим, кто кого!"... Посмотрел – не просто страшно, а СТРАШНО – до онемения рук, до паралича, до пронизывающего холода в мокром от пота теле.

Тряхнув головой, Санька вытащил из подсумка рожок, вставил в автомат... Бывший чемпион района по боксу, признанный силач двора, Звонарев в эту минуту клял себя за трусость; за позорные мысли и мокрые ладони, скользкие по цевью, будто оно живое и норовит выпрыгнуть... Выставив ствол в окно, парень короткими очередями простреливал округу, находя укрытия противника... Через минуту он забыл о страхе, превратившись в машину, которую недолго, но все же учили воевать.

Звонарев не мог видеть, как наблюдавший за ним лейтенант довольно качнул головой – не видел он чемпиона района, признанного силача, да и не было ему до этой мишуры дела – командир видел девятнадцатилетнего мальчишку, распластанного на полу бетонной стройки, у черта на рогах, нашедшего мужество поднять автомат.

* * *

Звонок будильника стер лица и события давнего боя – Звонарев открыл глаза и недовольно поморщился. Потолок в желтых разводах; за окном воеет собака; за картонной стеной кто-то ругается – новое жильё «радовало» с первых минут знакомства. Хозяйка – полная татарка Динара, клялась, что квартира тихая, беспоконья не будет... Соврала. Кто бы сомневался.

Мебели почти нет – не стал забирать после развода: наверное, теплилась мыслишка, что не все потеряно. Света тогда высказалась категорично: «Или я, или гадская служба!» – не говоря ни слова, капитан юстиции Звонарев, ненавидящий скандалы, оделся и вышел за дверь. Теперь жалел, что не принял ее слова всерьез... Вернувшись через пару часов, с букетом роз и коробкой любимых женой «Рафаэлло», нашел два упакованных чемодана и записку: «Не ищи, все кончено». Через две недели на адрес матери пришла повестка – Света подала на развод.

Не желая теснить мать, Звонарев оказался в съемной «однушке» – из мебели диван, два продавленных кресла и стол с крутящимся стулом – с пьяницами-соседями и воюющей с завидным постоянством собакой. Один плюс – до работы, стоявшей жены и двухмесячного курса лечения после огнестрела, всего два квартала, пять минут спокойной ходьбы.

Ему недавно исполнилось тридцать пять. Короткие черные волосы серебрятся по бокам; приятное лицо слегка портят серые, жестко прищуренные глаза; широкие брови – правая чуть приподнята шрамом, делая выражение лица ироничным, даже немного циничным – будто никому не верит: полезное качество на работе, но создающее проблемы в общении. Рослый, широкоплечий – капитан неизменно притягивал женские взгляды, но никогда – пока был женат – не отвечал взаимностью ни одной представительнице прекрасного пола. Сама мысль об измене выглядела кощунственной – со Светой познакомились в школе, с десятого класса вместе... Она не может иметь детей – слова врача едва не стали приговором их отношениям, но справились: казалось, страшный диагноз пережили, так ничего не страшно... ошиблись.

Капитан недовольно отмечал появившееся брюшко, но врожденная лень не позволяла вплотную им заняться: энтузиазма хватало не пропускать зарядку, не более. Мастер спорта по боксу, профессиональный «рукопашник», отличный бегун – Звонарев твердо верил, что и без лишней физической нагрузки может справиться с любым соперником – надо сказать, верил не без основания – но брюшко росло, волосы белели заметнее... Все чаще кусали грустные мысли, что молодость осталась позади, скоро вовсе захиреет: до этого верилось, что организм – цельный, литой щит, который не подведет в ответственный момент, теперь же были некоторые сомнения...

Тридцать пять; без жены; детей; квартиры... руки невольно опустятся, но только не у капитана Звонарева. Ситуация, наоборот, подстегивала к работе – дела раскрывались, преступники, один за другим, несли заслуженную кару. Александр почти физически ощущал, как копится вокруг негатив – от зависти менее удачливых коллег; от бандитов; от тех, на кого они работали... всегда есть те, кто управляет процессом, кукловоды – и они таили до поры злость, готовую вот-вот прорваться...

Страшно не было: в жизни часто приходилось ступать по краю, играть в прятки со старухой – и ловко, в последний момент, убирать голову с пути ее косы. Крикнуть смерти «Не сегодня!» и уйти – девиз Звонарева – не раз себя оправдал, притупив чувство опасности, но не самосохранения – с каждой новой напастью он становился осторожнее, хитрее, изворотливее... Возможно, поэтому его обходили стороной даже закоренелые урки – капитан не раздумывая пускал в ход оружие и после никогда не жалел об этом.

Скандал за стенкой, судя по звукам, перерос в драку – звенело стекло; мат – до этого чередующийся с нормальными словами – слился в нескончаемый поток, визжала пьяным голосом баба... одним прыжком соскочив с дивана, Звонарев быстро одел спортивные штаны и вышел на площадку.

Вместо звонка висели два провода – капитан несколько раз пнул дверь ногой. Шум стих, но открывать не торопились: осторожные, едва слышные шаги приблизились к двери и замерли.

– Открывай, милиция! – для верности еще раз саданул в дверь: так, что послышался хруст дерева.

– Иди на х*й! – не очень уверенно отозвались с той стороны – Не вызывали.

– Открывай, говорю!

Видимо, сосед в глазок рассмотрел, что «милиция» стоит полуголый, в одних штанах.

Щелкнул замок:

– Ты че, падла, адрес напутал?

Мужик смотрелся настоящим медведем – центнер веса, волосатое тело, мышцы перекачиваются... Далеко не маленький Звонарев выглядел на фоне такой туши пятиклассницей. Сосед грозно – по его пьяному мнению – хмурился и наступал:

– Че не отвечаешь, вша? Кому в дверь пинал, говорю?

Что тут ответишь? Не дожидаясь, пока мужик соберет, наконец, глаза в кучу, капитан отработанным ударом заехал ему кулаком в переносицу. Не успел еще кровавый ручей достигнуть пола, как сосед получил ногой в колено, в челюсть и, под конец, в кадык.

– Викентий Петрович? – из дверей выглянула бабенка, лет сорока, потрепанная жизнью и частыми встречами с Бахусом: на ее скуле красовался здоровый, набирающий цвета синяк. Увидев поверженного сожителя, она икнула, несколько секунд тупо рассматривала сцену и, наконец, сообразила – подошла и пнула мужика под зад:

– У, гад! Поделом тебе!

– Отойди – Звонарев оттолкнул ее обратно к двери.

– А вы, собственно, кто? – она подозрительно уставилась на капитана – Почему бесчинствуете?

– Сосед. Громко у вас... Спать мешаете.

– Ой, извините – она запахнула халат, убрав с глаз исподнее – А... Вы правда из милиции?

– Правда – Звонарев примерился, взял недавнего противника за ноги и вволок в квартиру

– Больше чтоб не слышал!

– Так я скажу Викентию Петровичу, не сомневайтесь! Как напьется, сволочь, так буянит. Вы не подумайте чего – хороший он, только судьба... да у кого она щас легкая, скажите мне? – она закатила глаза – А как вас звать-то?

– Александр.

– Так может, Александр, по маленькой – за знакомство? – баба лукаво подмигнула и улыбнулась: стало видно, что совсем еще не старая, просто не разглядеть с первого раза...

– Не пью. Как очнется, объясни, что больше не потерплю драк.

– Объясню... по роже б снова не получить – она потрогала фингал – удар ого-го какой...

– Мне пожалуешься, я разберусь. Так и передай.

– Передам, не сомневайся... Ну, спасибо, что ли...

– Не за что.

Капитан вернулся в квартиру. Всегда невольно жалел таких – было непонятное понимание, будто что-то общее есть. Менталитет, наверное – в России всегда сочувствовали пьяницам: нормальному и десяти копеек не простят, а «синяку» и бутылку в долг дадут. Страна контрастов.

Глянул на часы – половина девятого, пора собираться. Побрился, одел форму, снова посетовал на брюшко – через двадцать минут входил в большие двойные двери прокуратуры.

Глава 3

– Саня, ты не поверишь, кто попал в холодильник! – следователь Юрков, ворвавшийся тайфуном в дверь, махал руками – Теперь будет «спокойная» жизнь!

Двухметровый амбал, с каменным лицом убийцы и странно добрыми глазами, Юрков моментально занял добрую половину кабинета. Также в комнатке чудом разместились два стола, заваленные бумагами; два небольших шкафа и один на двоих сейф – уродливо-массивный и советско-зеленый, как аллигатор. Пол в стандартную линолеумную клетку протерт многочисленными подошвами и стыдливо прикрыт половичком – тоже страшным и старым, но все же чуть более уютным. На подоконнике устроился непонятный цветок, чудом борющийся с никотиновыми облачками и постоянным отсутствием воды...

– Чай будешь? – привыкший к шумной манере общения, капитан Звонарев щелкнул выключателем электро-чайника.

– Выпью – Юрков уселся за стол – Ермолаев нас покинул. Скоропостижно и подозрительно.

Звонарев остановился, медленно посмотрел на коллегу...

– Подозрительно?

– Так точно. В воротах парка, что на набережной. Предположительно, сердечный приступ.

– Может, и впрямь... Хорошо бы сам!

– Надо в морг ехать, смотреть – Юрков взял протянутую чашку – но Пушок икру мечет и, конечно, на нас.

Пушок – начальник следственного отдела Пушенков – из всех сотрудников больше всех не любил Звонарева: самоуверенный до наглости «следак» выводил подполковника из себя и, что больше всего злило, никак повлиять на него не удавалось – раскрытые дела, один за другим, еженедельно ложились на стол. Мстил по мелкому – не похвалит, награду прижмет – но Звонарев работал из любви к работе, а не к благам с царской руки, потому не обращал внимания на каверзы отца-командира.

– Значит, умер... – капитан задумчиво дул в чашку – С одной стороны плохо, а с другой...

– Со всех плохо: представь, что в городе начнется! За мифический архив перережут друга друга, что мясники.

– Надо первым бумажки найти. Сколько всего интересного...

– Поищем, но Ерема тот еще жучара... не на видном месте оставил – Юрков уныло махнул рукой.

– Допил? – Звонарев встал, поправил китель – Поехали, скатаемся да узнаем, что и как.

– К Пушку не пойдешь? Он звал...

– Нет времени, работы полно.

Юрков понимающе хмыкнул и вышел за другом в коридор: через пять минут его потерявшая красная «девятка» летела к городскому моргу.

Приземистое, одноэтажное здание расположилось недалеко от третьей больницы – по иронии, самой высокосмертной в городе. Синие холодные стены навечно впитали запахи химикатов, смерти и еще чего-то непередаваемого, но знакомого каждому, кто хоть раз побывал в последнем пристанище. Никакой охраны – прямо у входа, на каталке, два трупа, укрытые дырявыми простынями; чуть дальше еще один – валяется прямо на полу, «бесхозник». В конце коридора – железная двойная дверь, за которой играет музыка.

Картина за дверью вызвала отвращение: флегматичный молодой парень – здоровый, рыжеволосый – приделывал руку одного тела к другому. Недовольно качал головой, примерял ее то так, то так... наконец, убрал конечность в сторону.

– Капитан Звонарев – протянул удостоверение, но в руки парню не дал – По поводу Ермолаева. Сегодня привезли, в районе двух.

– Мне их каждый час привозят, оптом, всех не упомнить. Кто таков?

– Около сорока, дорогая одежда – Юрков, успевший прочесть ориентировку, встрял в разговор – Доставлен из Набережного парка.

– А! Есть такой – парень будто бы обрадовался – третий холодильник. Вроде приличный, решили выделить ему «люкс»...

– Хорош шутить! – Звонарев поморщился – Это ж люди были, не куски мяса!

– Поработай с мое, будешь по-другому смотреть. Не поверишь: сегодня входит приличная на вид краля, такая... ухоженная вся, в золоте – жених у нее, того... Ну, подходит она к нему и говорит – почему рука сломана? Отпили и переделай – сама ведь пошла, выбрала подходящую...

– Жуть! – Юрков поморщился – Помрешь, и распилят на части.

– Кстати! – анатом тряхнул головой – Вот ваш клиент!

– В смысле? – Звонарев, идущий к холодильникам, резко обернулся.

– В прямом. Вон лежит, на каталке, его невеста приходила!

Капитан быстро подошел и откинул простынь – так и есть, почти неузнаваемый, но – Ермолаев. Смерть обошлась с ним жестко – мужик красивый был, волевой, спортом занимался – сейчас мумия, страшная и жалкая.

– Нда... – неслышно подошел Юрков: при гигантской комплекции и топорном лице сочувствие в его голосе казалось поддельным – эк, скорезило-то...

– А чего, не надо было руку делать? – парень испугался – Это, что-ль, крутой кто? Так я мигом приделаю!

– Нет у него никого: ни жены, ни детей, ни невесты... Где рука? Родная?

– Ща! Мигом! – парень выбежал из дверей: вернулся через пять минут с посеревшим лицом – Нету! Унесла, кажись, баба!

– Что у вас, выбрасывают органы?! Что за дебильная организация?! – Звонарев медленно краснел.

– Кладут в специальный холодильник, у входа! – рыжий, оправдываясь, чуть не плакал – Она сказала, что положит! Да кому может понадобится?! А охраны нет – я один работаю, а там...

– Ладно, что не так с рукой было? – Юрков перевел тему – Почему отрезали?

– Поломана, то ли при падении... – в голосе парня мелькнула неловкость, которую мгновенно уловил Звонарев.

– Договаривай!

– Ну, я давно работаю... Таких травм от падения не видел. Открытый перелом, возле локтя – похожие бывают у тех, кому нарочно сломали.

– Так ведь не ломали: сердце, говорят, не выдержало жары.

– Сам, наверное, сломал...

– Это же бред: зачем? – Юрков пожал плечами – Шел и надумал сломать руку?

– Того не знаю – парень для пущей убедительности выставил ладони – Скажите... что со мной будет? Я ведь один, за охранника, за доктора... А люди, знаете, разные приходят, кто накричит, а кто и...

– Расстрел надо бы... – Звонарев отвернулся – Устроим проверку на халатность: выясним, кто виноват. Камеры хоть есть?

– Есть одна, на входе. Выведена в больницу, на пульт.

Не прощаясь, следователи вышли и с удовольствием втянули грудью чистый летний воздух.

– Ты и впрямь хочешь устроить проверку? – Юрков закурил вонючую «Яву».

– Какой смысл, и так дел полно. Ничего не изменится – потом, когда будет свободнее... Бабу эту надо ловить! Ерема был безумным, местами неприятным, но за это руки не отпиливают. Хотя, я уверен, что на камере ничего нет.

– Пойдем, узнаем.

– Ты иди, у этого лося словесное возьми – что вспомнит – а я к охране, вдруг...

Звонарев оказался прав – все, чем смог помочь дежурный на пульте, была размытая картинка «со спины», а вывод Юркова, что «бабенка и впрямь ничего», следствию ничего не дал.

Глава 4

На город медленно падал вечер. Загорались вывески магазинов; стихал нескончаемый рокот автомобилей; пустели тротуары и дорожки – пробежит изредка хмурый, припозднившийся человек, юркнет в подъезд, и снова никого... Желтели в сумерках окна, за которыми ждал горячий чай, теплый плед и ужасные теле-новости.

Звонарев скинул надоевшую за день форму, натянул «треники» и устроился на кухне. Перед собой разложил несколько исписанных листков дела: точнее, дела-то никакого не было – предварительный осмотр места происшествия, краткая биографическая справка по жертве... Или не жертве – никаких объективных причин считать смерть Ермолаева убийством не виделось – интуитивные догадки, не более.

«И странная баба!».

Капитан поморщился – мозг загадочная штука – ему так хотелось, чтобы Ерема умер своей смертью, что он забыл о загадочной гостье морга.

Судьба иногда выкидывает странные коленца – Звонарев хорошо знал Ермолаева, уважал как специалиста и человека... до тех пор, пока не оказался с ним по разные стороны. Помимо своей воли, капитан закрыл глаза и унесся по волнам воспоминаний.

Июль, 1996 г.

Погода не задалась с утра – город атаковал мелкий, колючий дождь с ветром; по асфальту неслись потоки жидкой грязи, вперемежку с мусором; люди прятались под козырьками уцелевших пока остановок и норовили вытолкнуть тех, кто стоял с краю – чтоб не давили. Низко висящее, уныло-серое до горизонта небо обещало затяжной, пасмурный день.

Лейтенант Звонарев крутился перед зеркалом: то одним боком встанет, то другим, то новенькие погоны ровняет, то снова – в который раз! – начищает ботинки... Первый рабочий день, знакомство с коллегами, и – кто знает? – может, первое дело? Хочется, как у великого Шерлока – непременно таинственное, но которое можно раскрыть по упущенной злодеем мелочи и поразить окружающих выдающимися способностями.

Саша, конечно, проходил практику и участвовал в расследованиях – но все они казались скучными и банальными: наркоманы украли телефон – хозяин телефона нашел бандитов и три раза пырнул ножом – один умер – раскрытое убийство. Кражи, пьяная поножовщина, драки... Звонарев удивился, выяснив, сколько на свете внешне приличных «бакланов» – совершивших крошечное преступление, по глупости, за которую взимается плата годами потерянной молодости.

– Иди, опоздаешь – Света, жена, обняла сзади, ткнувшись носом рослому Звонареву между лопаток.

– Не опоздаю. Как тебе? – он покрутился перед ней – Хорош?

– Герой! Теперь попробуй меня упрекнуть, что долго перед зеркалом стою! – девушка шуточно нахмурилась и погрозила пальцем.

– Не буду – лейтенант наклонился и поцеловал жену в светлую макушку – Все, пошел!

– Зонт возьми...

Укрывшись «под цветочками», новоиспеченный лейтенант добежал до работы, взлетел по высоким каменным ступеням и впервые открыл тяжелую железную дверь.

– Лейтенант Звонарев, назначен в первый отдел – служащий на проходной лениво мазнул глазами удостоверение, кивнул:

– Второй этаж, двадцать восьмой кабинет.

Перед нужной дверью Саня еще раз оправил форму, быстро вытер ботинки платком и постучал:

– Можно?

– Входи. Звонарев? – подтянутый человек за столом, в гражданской одежде, приветливо махнул рукой.

– Так точно! Назначен...

– Да знаю я, кем назначен... Садись – мужчина встал и протянул руку – подполковник Ермолаев, командир первого отдела по борьбе с орг. преступностью.

Звонарев передал ему бумаги, сам устроился на простом деревянном стуле.

Некоторое время подполковник молчал: молодой лейтенант огляделся. .

Никаких изысков – стандартный кабинет, с простым, заметно потертым столом буквой "Т" и шкафом, заставленным книгами в красных переплетах. На столе два дисковых аппарата, на окне занавеска в желтых никотиновых разводах. Некоторый интерес вызвал пистолет за стеклом шкафа – обычный «ТТ» – видно, хозяин ценил оружие, раз убрал...

Ермолаев проследил за взглядом новичка:

– Наградной. Ничего особенного, память...

– Понятно.

– Ну, что... – подполковник снова уселся за стол, просверлив Саню карими глазами – Отдел наш, как ты, наверное, понял, давит всю эту криминально-организованную мразь, что развелась в невиданных количествах... Пока не трогали, они выросли до размеров катастрофических, а нам теперь воевать. Не буду скрывать – работа опасная, слишком привыкли к безнаказанности: оружие постоянно держи при себе – чуть что, пали не раздумывая. Пока все: иди в двадцать третий, с ребятами познакомься – обживайся, чувствуй себя, как дома, потому что ты дома – он хмыкнул – жена есть?

– Да.

– Молодая?

– Двадцать два, Светой зовут.

– Понятно... – Звонареву показалось, что в голосе подполковника мелькнуло сожаление, или сочувствие – Ладно, шагай. Если что, заходи без обиняков – все свои, какая помощь, или еще что ...

– Понял. Разрешите идти?

Вместо ответа Ермолаев улыбнулся и махнул рукой.

Из кабинета лейтенант вышел с твердым убеждением, что с командиром можно идти в разведку.

Наши дни.

Из воспоминаний капитана вырвал звонок мобильного. Звонарев потряс головой, отгоняя последние образы:

– Да?

– Здорово, спишь? – Юрков. Кажется, слегка поддатый.

– Работаю. Что у тебя?

– Есть кое-что интересное по Ермолаеву. Я запросил в архиве личное дело, так вот... помнишь Марину, архивную? Ну, я еще с ней...

– Да помню, давай дальше!

– Ну, так вот – она мне нарыла аж два личных дела!

– Это как? – Звонарев быстро схватил ручку и приготовился записывать.

– А так! Одно – когда он впервые поступал на службу, семьдесят пятого года; второе – когда получил назначение в 1 отдел.

– И что? Может, обновляли.

– Если обновляли, то очень странно – Юрков сделал паузу – В первом деле значится мать, некая Лыбина, Полина Карповна, сорок пятого года рождения. Адрес, все как положено...

– Ну?

– А во втором значится «сирота», с указанием детского дома и даже фамилией тогдашнего директора.

– Нда... – Капитан думал – Интересно.

– И мне – Судя по звуку, Юрков закурил – Как тебе новости?

– Занятные. Что думаешь?

– Ехать надо, копать. Может, завтра с утра?

– Давай. Заезжай к восьми.

– Буду.

Не прощаясь, Юрков отключился: Звонарев плюхнулся на диван и глубоко задумался – он прекрасно помнил, как Ермолаев всегда подчеркивал, что рос в детдоме и родных никогда не видел.

Глава 5

Утро выдалось суматошным: капитан проспал – разбудил его звонок Юркова в дверь – быстро одевался, потом искал завалившийся куда-то телефон... Выехали из дома в районе десяти: час-пик – "девятка" то и дело замирала в пробках; дважды глохла, вызывая гневные авто-крики водителей, и под конец сломалась печка, начав шпарить во всю мощь, что в почти тридцатиградусную жару делало жизнь еще более невыносимой.

К дому на Шиловской набережной подъехали к одиннадцати:

– Наконец-то! – не выдержал Юрков, пробкой выскакивая из-за руля – Жарища!

– Все твоя корыта – Звонарев вытер ладонью мокрый лоб – Давно пора сменить на более приемлемую.

– Не обижай старушку, она еще бату возила! К тому же... – он помолчал – денег нет. Приходится любить то, что есть.

– Ладно, черт с ней, с машиной. Я вот думаю – никто о матери Ермолаева не знал: выходит, она даже не в курсе, что он мертв.

– Нам говорить?

– Пока не решил... Надо бы, конечно, но вдруг он здесь документы припрятал? Тогда лучше сказать, что он послал, забрать их.

– И как поступим?

– М-м... – Звонарев несколько минут бессмысленно рассматривал дом – Давай по обстоятельствам. Может, ошибка в деле и он правда детдомовский.

– Понял – Юрков сунул ключ в замок на двери: раздался подозрительно громкий щелчок.

– Сломал? – капитан с интересом посмотрел на коллегу.

– Не, она так закрывается...

– Хоть бы в сервис отогнал!

– Жду, пока сдохнет. Будет стимул взять новую, и с чистой совестью бате сказать, что сделал все, что мог.

Звонарев, опершись на единственную во дворе кривую березу, хмыкнул.

Мать Ермолаева жила в стандартной блочной пятиэтажке, с мощными подъездными дверями и подозрительно загаженными подъездами. Судя по надписям, здесь жила Света легкого поведения, любители "Рамштайна" и некто Вася – презерватив. На подоконниках стояли пластиковые бутылки с коричневым осадком, рядом скрученные бумажные трубочки...

– Вот где надо облавы делать! – Юрков качал головой – В наглуую "дуют", пьют, вандалят... начинают...

– Время такое: уверены, что не противозаконно. Ну, поймают, и что? Отломают ППС,у половину, пожмут руку и дальше пойдут. Облавы надо на рэперов устраивать: сами так не делают, а бабки на идиотах стригут.

– Старый ты стал, ворчишь...

– Это к чему? – Звонарев остановился.

– Мне, допустим, нравится рэп... некоторый – Юрков рассмеялся и сложил руки на груди

– Есть "темы", бро – отвечаю!

Получилось забавно – капитан улыбнулся:

– Какая квартира?

– Пришли, вот – пятнадцатая...

Они стояли возле пошарканной двери, обитой простым черным дерматином.

– По обстановке? – Юрков задержал палец в сантиметре от сожженного звонка.

– Жми.

Где-то в глубине квартиры пронеслась негромкая трель. Долго ничего не происходило: наконец, раздались шаркающие шаги, глазок на миг вспыхнул и сразу потух:

– Кто?

– Мы ищем Лыбину, Полину Карповну?

– Зачем?

– Прокуратура – Звонарев раскрыл перед глазком удостоверение – хотим задать несколько вопросов.

– Минуту... – защелкали многочисленные замки: капитан насчитал не меньше четырех. Дверь открылась – на пороге стояла высокая пожилая женщина, с тугим узлом седых волос на затылке. Она куталась в красивую ажурную шаль и внимательно рассматривала гостей.

– Слушаю – голос женщины звучал не по возрасту сильно, с едва различимой хрипотцой.

– Мы по поводу вашего сына... – Капитан замолчал, надеясь, что она сама подтвердит информацию.

– Виталика?

– Да, Ермолаева.

– Почему вы зовете его по фамилии, коллеги ведь... Или...

Она сильно побледнела, зашаталась: Юрков, привыкший к таким ситуациям, прошел на кухню и через минуту вынес стакан воды. Женщина сделала несколько глотков и благодарно кивнула:

– Что с Виталиком? Говорите, не тяните...

Следователи переглянулись:

– Мы не знаем – Звонарев действовал по наитию – Как раз ищем его.

– Боже, зачем же пугать?! Я пожилой человек: мне всего, может, один такой испуг остался!

– Так ведь я ничего не сказал – капитан улыбнулся: стало стыдно обманывать незнакомую женщину – Только спросить хотел.

– Ну, ладно, обошлось и хорошо – женщина улыбнулась в ответ – пойдете, чаем вас напою.

Они прошли узким, темноватым коридором, по стенам которого висели множество фотографий. Возле одной Звонарев остановился – красивая молодая женщина стоит с высоким мужчиной, с волевым, хищным лицом. Они улыбались – молодые, счастливые...

– Это вы?

– Да – Полина Карповна стала рядом – Давно было...

– Красивая – капитан не врал: женщина на фото смотрелась красавицей.

– Теперь уж ничего не осталось – старуха! – она хохотнула, взяв следователя под локоть – но за комплимент, пусть и опоздавший лет на тридцать, спасибо!

В крошечной двухметровой кухне женщина поставила на огонь эмалированный чайник, вытащила из шкафчика печенье и полбанки варенья:

– Сама делала, с нашего огорода. Налетайте, такого не попробуете!

– Спасибо – Звонарев макнул в варенье печенинку – Так, когда, говорите, Виталий был последний раз?

– Давно, ребятки – Полина Карповна нахмурилась – наверное, с месяц назад, или чуть больше... Сказал, работает над важным заданием, потому может исчезнуть на время. Ой!

– Что? – капитан снова протянул воду.

– Мне же нельзя, наверное, говорить, про задание...

– Да все нормально.

– Хотя вы коллеги – следователи переглянулись: опять мелькнуло "коллеги" – Скорее бы Виталик на пенсию вышел, сплошное беспокойство!

– Полина Карповна, такой вопрос – у нас ревизия была, нашли два дела Виталия – в одном вы, все правильно, а в другом детдом значится...

– Так и есть – до семи лет в казенном воспитывался – женщина сокрушенно покачала головой – Я молодая совсем была, деревенская... ну, познакомилась – думала, любовь до гробовой доски, дом, семья... Родила – а жених тью-тью... Отдала: потом, слава богу, одумалась – знакомых попросила, подмогли, вернули сына. Вот, теперь страну защищает от нехристей! – она гордо посмотрела на гостей.

– Ага... – Звонарев под ее взглядом неловко потупился – Так мы, собственно, пришли узнать: может, он встречался с кем-то? Или вам документы оставил? А то ищем, ищем...

– Мне точно ничего не оставял – женщина решительно помотала головой – а встречался... знаете, кажется, да: появилась у него женщина. Звонки – она Виталика спрашивала – он убегал среди ночи... думаете, у нее?

– Возможно... А телефона, адреса ее нет?

– Да откуда, Виталька как Штирлиц: слова не вытянешь. Объявится, на работу-то надо.

– М-м – Звонарев глотком допил чай – Спасибо, Полина Карповна: поедем мы.

– Что ему передать, если появится? – она беззащитно смотрела в глаза – Кому позвонить?

– Ну.. коллегам – капитан быстро вышел в подъезд – До-сви...

Оборвал себя на полуслове – из комнаты торчал форменный китель: самый краешек, но вполне узнаваемый.

– Полина Карповна, можно еще стаканчик воды?

– Воды? Конечно, сейчас.

– Ты чего, не напился? – зашептал Юрков, но капитан уже бесшумно вошел в квартиру и профессионально обыскивал форму. В одном из карманов нащупал что-то плотное, сунул руку и вытащил бумажный прямоугольник – визитку.

Успел вовремя – Полина Карповна протянула ему большую кружку.

– Спасибо, до-свидания.

– Удачи вам, ребята – женщина закрыла дверь.

Юрков ждал возле машины:

– Ну, что?

– Короче, давай, отряди бойцов, сообщить матери... И работать – контакты, кого видела, кого слышала... Сам знаешь.

– А ты?

– А я – Звонарев протянул другу визитку – Поеду, навещу одноклассника.

– Ого! Князь?

– Он... Зная патологическую неприязнь Ермолаева к преступникам, интересно, какие у него с блатным могли быть дела...

Глава 6

Ресторан «Золотая звезда» расположился на берегу пруда, в уютном двухэтажном коттедже. Бывшую усадьбу князей Слободских (архитектурный, кстати, памятник) превратили в заведение VIP-класса: дубовая, «под старину», мебель; круглые столы с бордовыми скатертями; импровизированная сцена, обрамленная резными гранитными колоннами... Конечно, итальянец-повар Альберто с его прекрасной кухней, профессиональные музыканты и заоблачные цены.

Князь – «в миру» Анатолий Луганский – выбрал «Звезду» в качестве личной базы. Бывший лидер Тихвинской ОПГ сейчас занимал видное место среди бизнес-элиты города: владел несколькими клубами, магазинами, сетью заправок... злые языки шутили, что нет торговой точки, где Князь не хозяйничал – и в этой шутке была лишь маленькая доля шутки...

Звонарев же помнил Толика Ушастого – высокого, худющего паренька, с постоянно включенными темными волосами и безумными затеями быстро и без проблем обогатиться. Князь жил тогда в коммуналке на Бебеля – грязной, полузаброшенной хибаре, забитой низшим классом: варил джинсы, приторговывал спиртом, воровал – и выходил сухим из воды. Участковый ненавидел шустрого пацана; соседи ненавидели; вся округа ненавидела – а Толик улыбался и делал то, что умел лучше всего – богател.

Лафа кончилась в девяносто пятом – опера вытащили Князя из новенькой «шестерки», ткнули носом в землю и от души врезали по ребрам: добегался! Ограбление склада, травмированный пожилой сторож Никифоров – шесть лет «строгача». Казалось бы, тут история могла кончиться, не будь Толик Толиком – быстро освоившись, он договорился с администрацией тюрьмы, нашел покупателей и начал сбывать налево казенное имущество. Телогрейки, продукты, «зековский труд» в виде подарочных вещей – все находило владельца и делало жизнь Князя вполне сносной даже по меркам обычных горожан, не то, что коллег по нарам.

Тогда же преступный мир впервые услышал о «тихвинцах» – группе, сколоченной Луганским для собственной защиты. Блатные требовали делиться, Толик не хотел – у него водились деньги и он мог предложить своим опричникам хорошую жизнь – чем и воспользовался, собрав отъявленных мерзавцев под одним флагом. По слухам, Князя пытались убить сорок два раза – и каждый раз не получалось – даже легенда появилась, что он вроде колдуна...

Как бы там ни было, Толик вышел, созвал в родной город верную команду и начал заниматься тем, чем не занимался разве что отъявленный лентяй – «дербанить» слабых коммерсантов и дружить с сильными, успевшими набрать вес группировками. Быстро сориентировался и понял, что эпоха лютого бандитизма скоро кончится – пора готовить плацдарм для будущих свершений. Инвестировал в бизнес, помогал начинающим перспективным дельцам, оказывал разные услуги полезным людям...

В 2012-ом, когда девяносто процентов знакомых лежат под трехметровой коркой земли, Анатолий Вячеславович чувствует себя прекрасно и на высший суд не торопится.

Мысли вихрем летели в голове Звонарева, пока он поднимался по широкой каменной лестнице. Балкон ресторана, всего с одним столиком, выходил на ласково играющий в солнечных лучах пруд; на одном берегу раскинулся городской парк, на другом золотились купола недавно отстроенного белого храма. Князь – основательно располневший, в дорогом костюме и шелковой рубашке, распахнутой на груди – наслаждался чашечкой ароматного кофе, вкупе с обществом длинноногой блондинки, ласково трущей хозяйское колено. Матово поблескивала витая золотая цепь на шее, играл огнем крупный прозрачный камень в перстне – разве что обкусанные под корень ногти – старая привычка! – не вписывались в образ «хозяина жизни».

– Какие люди! – он первым заметил капитана: Звонарев специально оделся в простой спортивный костюм и белые кроссовки, хотя понимал, что «совковая» привычка выглядеть

наперекор правилам со стороны выглядит смешно и неуместно – Ты бы знал, Саша, как я рад за нашу страну!

– Это ты к чему? – капитан уселся напротив: подумал, не протянуть ли руку, и не стал.

– Раз у ментов завелись копейки обедать в таких местах, значит, все не так плохо – Толик криво улыбнулся.

– Смотрю, кто-то обронил десяток килограмм, а ты нашел? Или, по привычке, украл?

Традиция – обменяться колкостями: «западло» менту и блатному мирно беседовать...

– Смешно – Князь, улыбаясь, кивнул – Зачем пришел, Саша? Ведь не обедать?

– Не обедать. По делу.

– Кофе будешь? Иди, принеси – легким шлепком по заду Толик отправил блондинку с балкона.

– Хорошая... – искренне протянул капитан, провожая глазами ее аппетитно покачивающуюся корму.

– Ну! – хозяин самодовольно дернул мощным подбородком – Плохих не держим! Так чем обязан?

– Ермолаев.

– Ага – Князь не удивился – Знал, что рано или поздно заглянут красные гости...

– Почему так?

– Что бы не случилось, проверяют на причастность, а тут убийство.

– Откуда знаешь, что убийство? – Звонарев напрягся.

– Не суетись, я много знаю... Но тут помочь не могу – сам не понимаю, что произошло

– Толик сделал маленький глоток – Не должно было так случиться...

– Пояснишь?

– Мысли вслух... Короче: не знаю, не видел, не слышал.

– Вот... – капитан выложил на стол визитку – твоя?

– Читать умеешь? – Луганский коротким жестом ее откинул – Моя, конечно.

– Нашел ее в кармане служебного кителя Ермолаева. Хочу знать, где познакомились, с какой целью...

– Таких визиток по городу миллион, мало ли как она попала к твоему трупу – Толик равнодушно мотнул головой.

– Значит, не скажешь? – Звонарев поднялся: если Князь не хотел говорить, значит, не скажет и под дулом пистолета.

– Сядь. Вон, кофе несет... – блондинка поставила перед капитаном миниатюрную чашечку, сверкнула аккуратными белыми зубками и ушла – Ты каким боком в деле? Расследуешь?

– Да – напиток оказался горячим и действительно вкусным – Понять хочу.

– Значит, про архив Еремин слышал... – Толик констатировал факт – На него целишься?

– Хотелось бы, но сперва найду убийцу.

– Ого! – Князь внимательно посмотрел Звонареву в глаза – слышу нотки личной заинтересованности. Что так?

– Не твое дело! – капитан почувствовал напряжение: словно короткий разряд, оно пробежало между ним и собеседником – и тут же заглохло.

– Ну, не мое, так не мое. И что хочешь узнать?

– Что тебя связывало с Ермолаевым.

– Да то самое, что и остальных серьезных людей – хотел купить его бумажонки. А он, как и во всех остальных случаях, отказался. Все.

– И ты решил на него надавить...

– Не приди чушь, век какой на дворе? Давно все решают деньги. Я собирался предложить сумму, от которой ни один здравомыслящий человек не откажется – а он «ласты склеил». Теперь вообще непонятно, кому что перешло.

– Ты видел архив? – Звонарев поверил: за долгие годы работы научился отделять ложь от правды – может, и нет его в природе, слух один?

– Видеть не видел, но что существует, точно. Слышал о Бередине?

Александр слышал: кандидат в мэры, отказавшийся от должности накануне стопроцентной победы.

– И что?

– Показали ему пару выписок Ереминых – он «слился». Сам понимаешь, там не бомба – астероид.

– Если Ермолаев не продавал сведения – как их удалось получить?

– А это интересно: он менялся – Князь неприятно улыбнулся – Детский сад развел, debil!

– В смысле?

– В прямом: ты ему информацию о том, кого в архиве нет, а он нужного тебе человека. Ни на какие суммы не соглашался, один бартер.

– Любопытно... – Звонарев недоуменно крутил на скатерти чашечку – никогда о таком не слышал.

– Дебил, говорю же. Параноик. И теперь вся коллекция непонятно где – Князь хлопнул ладонью по столу – Я почему это рассказываю...

– Ну?

– Если случайно найдешь, отдай часть. Только обо мне! – он жестом прервал капитана, готового возразить – Вам без надобности, это касается личных разборок... давних, но могут быть серьезные последствия. И в вашем... да и во всех остальных ведомствах, куда попадут бумажки, найдутся те, кто не откажется заработать: не хотелось бы, на старости лет, вести «кусалово». Договорились?

– Не знаю – Звонарев поднялся – Почитаю, если ничего криминального, тогда... может быть.

– Хоть что-то – Князь тоже поднялся и протянул руку: капитан пожал – знаю, деньги не возьмешь, но если помощь какая понадобится, в долгу не останусь.

– Бывай, Князь...

– погоди минуту. Вот адрес – Толик вытащил из внутреннего кармана дорогую ручку и нацарапал что-то на салфетке – там Ермолаев последнее время «тихарился»: может, что нароешь.

– Твои, поди, уже пошарили?

Князь хитро улыбнулся.

Уходя, Звонарев думал о том, что история не сходится – Ермолаев, конечно, спятил, но не до такой же степени...

И снова в памяти всплыла давняя история, поле которой Ерема ушел со службы...

Ноябрь, 2000 год.

Серая неприметная «Волга» подъехала к подъезду одновременно с «Газелью» спецназовцев.

– Ну, что – Ермолаев вытащил из кобуры пистолет, передернул затвор – «Наружка» доложила, их всего двое, пьяные, Мухин – так вообще «под кайфом».

– Я с тобой – Звонарев тоже дослал патрон в патронник – Миха на связи.

Водитель кивнул.

– Тогда с богом! – Ерема первым вышел из машины. Как по команде, дверь «Газельки» отъехала в сторону: замелькали черные фигуры.

Захват прошел быстро и без осложнений – тараном выбили дверь: двое бандитов сообразить ничего не успели, как валялись в наручниках. «Спецы» быстро проверили комнаты и вышли из квартиры.

– Мусора, падлы! – Мухин, рецидивист и убийца, катался по полу – Суки, всех вас кончу, животные!

– Пасть закрой, гнида – Ермолаев сильно пнул его в бок – Где Берендеев? Куда отвезли? Отвечать!

– Пошел ты! – Мухин плюнул – Адвоката требую! Звонок давай!

– Ага, обязательно.

– Я выйду – рецидивист неожиданно успокоился и даже заулыбался – Через два дня выйду, гнида! И ты знаешь об этом, так?

Лицо Ермолаева потемнело: Мухин – один из приближенных Хана, серьезного авторитета, славного тем, что «пехоту» в беде не бросает. Точнее это, конечно, байка для молодых – плевали жулики на «мясо» – но этот, корчившийся в бессильной злобе урка, считался «центровым», приносил деньги...

– Знаешь, что сделаю, когда выйду? – Мухин скалился – Попрошу узнать твой адрес. Позабавлюсь с женой, детишками, а потом оставлю тебя жить с мыслью, что это ты во всем виноват!

Звонарев подлетел к бандиту и начал пинать ногами. Ермолаев потянулся к кобуре...

Примчавшиеся на выстрел омонцовцы застали двух следователей; одного, белого от страха задержанного и труп второго, с простреленным черепом, в лужице набежавшей крови.

Ермолаев положил рядом с телом пистолет, поднял руки: выводили милиционера в наручниках...

Глава 7

Юрков позвонил вечером, когда Звонарев наслаждался тишиной – соседи чинно смотрели телевизор (очень негромко), а воющая собака еще вернулась – капитан по дороге с работы подобрал увесистый камень...

– Сань, допросили мать... Ее чуть инфаркт не хватил... Как и предполагали, друзей-знакомых сына не знает, на звонки не отвечала, личных вещей Ермолаева в квартире нет. Тупик.

– Отработать все равно стоило – капитан потер ладонью ноющее плечо: после ранения обычно предвещало перемену погоды.

– Да... Сегодня пришли результаты экспертизы: официально смерть Ермолаева вызвана обширным инфарктом. Дело закрыто. Неофициально – Пушенков на ковер вызывал, мы ищем следы архива.

– Будто нам дел не хватает...

– Какие следующие шаги? – Юрков в трубке чиркнул зажигалкой.

– Есть одна мысль... Ты сейчас занят?

– Ну... пива купил, хотел футбол глянуть. А что?

– Давай, подъезжай ко мне. Князь мне адресок скинул, посмотрим, что там интересного.

– Чей адресок?

– Расскажу по дороге... И, Коля!

– Да? – Юрков не успел отключиться.

– Пиво захвати, не пропадать же добру.

Через тридцать минут они ехали по неосвещенному бездорожью «Чугунки» – самого неприятного для жилья района. Фонари горели один – через четыре; под колесами то и дело скрипело битое стекло; местная фауна провожала одинокую машину суровыми, пропитыми взглядами...

– И чего приперлись? – Юрков едва успел крутануть руль, чтобы объехать пьяницу, неожиданно вывалившегося на дорогу – У тебя хоть «ствол» с собой?

– Конечно. А у тебя?

– Не взял: ты же не сказал, куда едем.

– Одного хватит. Быстро Еремину квартиру осмотрим, и свалим.

– Странно... он же параноик был, собак, обвешанных взрывчаткой, боялся, и вдруг «Чугунка»...

– Но, с другой стороны – ментов почти нет; контингент нелюбопытный, а надумай кто напасть – Ермолаев любому бы кости переломал, после трех-то войн... – Звонарев рассеянно смотрел на плывущие за окном двухэтажные, облупленные бараки – Логично, если хочешь что-то спрятать.

– Думаешь, здесь документы хранил?

– Нет. Если б так, люди Князя нашли и разговаривать он бы со мной не стал. Просто посмотрим, вдруг на что наткнемся... А может, тебе повезет!

– В чем? – Юрков недоуменно посмотрел на друга.

– Ведро твое угонят – капитан ответил серьезным взглядом – никогда не найти.

– Хорошо бы – Николай рассмеялся.

Искать нужный дом среди однотипных построек, без номеров и практически в темноте, пришлось долго. Наконец, один из пойманных аборигенов за полтинник указал адрес: без его помощи следователям пришлось бы возвращаться днем.

Поднявшись по заплыванной лестнице на второй этаж, они остановились перед дверью с цифрами 11:

– Какой план? – Юрков подергал дверь.

– Думал, открыто?

– Мало ли...

– Так – Звонарев вытащил из кармана набор отмычек и маленький фонарик – посвети!

– Незаконное проникновение в чужое жилище – Коля равнодушно плюнул – Если нас Пушок-таки сживет со свету, без куска хлеба не останемся.

– Точно... – буркнул капитан, занятый дверью.

Замок долго не поддавался – хорошая немецкая модель, с двойной защитой – но учитель Звонарева, Миша Балерина, ныне мотающий срок, оказался лучше: не прошло и десяти минут, как раздалось тихое «щелк» и ригеля поползли в сторону.

В темной прихожей Юрков пошарил по стене в поисках выключателя. Нашел – свет голой лампочки высветил убогую обстановку единственной комнаты – продавленный облезлый диван; пустой сервант с мутными от грязи стеклами: колченогий журнальный столик, на котором торчала открытая шпротная банка. Посреди голого пола на незваных гостей пялился огромный черный таракан, и даже не думал бежать. Воняло несвежим бельем, испорченными продуктами и сыростью.

– Ерема тут жил? – Юрков в хрустом раздавил черного жителя – Это ж как надо опуститься!

– Не сходитесь! – Звонарев, кривясь, осматривался – Он был помешан на чистоте, малейшая пылинка выводила из себя, а тут... Да тут бомжи – и те постесняются жить!

– Он был просто помешан, не только на чистоте. Кто знает, что у него в башке творилось?

– М-м... – капитан двумя пальцами открыл сервант; тут же отскочил, спасаясь от лавины насекомых, устроивших себе дом. Совать туда руку нечего и думать.

– Посмотри на кухне, в ванной... – Звонарев с омерзением сбил с руки усача.

Юрков ушел: капитан осторожно приблизился к серванту и заглянул внутрь. Пусто. Вторую дверцу, наученный горьким опытом, он потянул мизинцем: та же картина – гора тараканов и пустота. Следовало бы, конечно, отодвинуть шкаф – вдруг там спрятано? – но хотелось быстрее вырваться на воздух.

– Сань?

– Да?

– Пусто там. Грязь везде, живность непуганая: вот только... – Юрков протянул два оранжевых пузырька с таблетками – на полочке в ванной стояли. От чего это?

Звонарев встал под лампочкой, чтобы лучше видеть этикетки:

– Рукой подписаны... Сейчас... «Демакин», а это... «Руфасол». Никогда не слышал.

– Я тоже. Оставим?

– Н...Нет. Да! – у капитана пробежал легкий холодок по позвоночнику: так всегда бывало, когда на что-то стоило обратить внимание – В интернете посмотрю, вдруг пригодится.

– Ладно, поехали из этого гадюшника – Николай опасливо косился на стайку тараканов, вроде решивших перейти в наступление – Пришлем бойцов на тщательный обыск.

– Да, поехали.

Дверь закрывать не стали.

Почти стемнело, но над подъездом горел чудом уцелевший фонарь – следователи уселись на грубо сколоченную деревянную лавку:

– Хорошо! – Звонарев втянул носом воздух – Жара надоела, хоть свежестью подышать.

– Погоди, сделаем момент лучше! – Юрков сбегал к машине, на которую никто не позарился, и принес две бутылки пива. – Холодненькое!

– Что скажешь? – сделав глоток, капитан посмотрел на коллегу – есть мысли?

– Ни одной. Что-то даже не пойму, с какой стороны подступиться.

– Та же беда: вроде бы все сделали... Можно, конечно, соседей опросить – скажи, кстати, операм – но, думается мне, интересного не скажут. А больше и податься некуда.

– Во втором деле фигурирует детдом...

– И какой смысл, если мать нашли? Хотя... Пожалуй, ты прав – навестить стоит, откуда-то же он взялся. Там ведь и имя директора было?

– М-м... – Юрков пил большими глотками: когда оторвался, пива осталось на доньшке – Завтра съездим.

– Силен ты пить! – капитан ткнул пальцем на бутылку друга – Сейчас догоню, и поедем.

Звонарев откинул голову и поднес горлышко к губам, когда что-то произошло – бутылка со звоном разлетелась в руках. Осколки больно покарябали лицо – капитан удивленно провел по нему ладонью и почувствовал теплую и липкую, совсем не похожую на пиво, жидкость.

– В подъезд! – заорал Юрков и, не теряя времени, сгреб друга мощными руками. Секунда – и они стояли в воняющей кошками парадной, а Коля закрывал скрипучую деревянную дверь.

Звонарев понял, что именно случилось, когда две пули порвали дверное полотно и с искрами отлетели от бетонных ступенек. Запахло горелым деревом.

Быстро выхватив пистолет, капитан собрался бежать на улицу, но Юрков – опытный военный, дважды Герой России – жестом остановил:

– Стой! Как зайца подстрелят. Твоя «мухобойка» все равно не дотянется, да еще надо понять, где «лежка» стрелка... Зайдем оборону.

Они поднялись на следующий пролет: капитан быстро присел на корточки и направил ствол между перилл – теперь, если убийцы надумают закончить дело, он успеет выстрелить первым.

Николай тем временем звонил в милицию:

– Алло! Да, говорит капитан Юрков. Срочно наряд, улица Левина, 69. Предположительно снайпер, место положения неизвестно... Чего? Ты баран, дежурный? Какой, на хрен, участковый? Спецам «звони», срочно! И наряд предупреди, пусть с оружием наизготовку во двор входят, да по открытым участкам не шастают! – он отключился – Наберут по объявлению, учи потом...

– Прорвемся, Коля – Звонарев глянул на друга – Твою мать! Попал?!

– Ерунда – Юрков зажимал плечо, где во все стороны быстро росло кровавое пятно – Жить буду. Не отвлекайся, мало ли...

Но ничего не происходило – с улицы никто не заходил; в какой-то из квартир пьяный голос материл Клавдию-прошмандовку и изменщицу; где-то пронзительно скулил щенок...

Вой сирен разорвал тишину через десять минут – спецназовцы оцепили близлежащие дома; эксперты, по отверстиям на двери, установили положение снайпера – получалось, стреляли примерно на одном уровне со Звонаревым: пули рвали дерево без наклона... Юркова – хоть он и сопротивлялся – уложили на каталку и запихнули в «Скорую Помощь».

Звонарев так устал, что, едва доехав до дома, рухнул на диван и мгновенно уснул.

Глава 8

Пушенков рвал и метал: его круглое лицо пошло красными пятнами, руки сжимались, будто хотел ударить:

– Я сказал, дело закрыто! Развели бардак: не являешься по приказу, не докладываешь... Ты кем себя возомнил, капитан!? Я сорву твои погоны быстрее, чем ты пернешь!

– Не ты надел, не тебе срывать – буркнул Звонарев в пол. Стоять посреди кабинета, когда остальные, специально вызванные коллеги, сидели, унизительно.

– Что бурчишь, мерзавец? – Пушенков покраснел больше: теперь он походил на переспелый томат.

– Вы, говорю, сами приказали архив Ермолаева разрабатывать. Вот мы и...

– Что вы? – начальник грохнул кулаком по столу – Ты! Потасил коллегу, ночью, в преступный район, без оружия... Юрков на краю гибели!

Пушок врал – Юрков чувствовал себя отлично и даже хотел уйти домой, но врачи не отпустили.

Звонарев, конечно, чувствовал себя виноватым – как ни крути, Коля действительно попал под удар из-за него. Капитан жалел, что не поехал на адрес один... с другой стороны, если бы не Юрков, рожа-Пушенков сейчас притворялся бы скорбящим; велел бы, наверное, фотографию Звонарева ленточкой украсить и на входе выставить...

– Что молчишь? Сказать нечего? – начальник медленно успокаивался – Сдай оружие, удостоверение, дела... Ты отстранен, до окончания расследования.

– Надо найти киллера! – пришла очередь капитана краснеть от злости – Архив...

– Без тебя разберемся! – видя состояние подчиненного, Пушенков довольно улыбнулся – От тебя толку ноль, одни проблемы. Иди, сдавай.

Звонарев молча вынул из кармана удостоверение, бросил на стол.

– Что такое? – Пушок прищурился.

– Сам сдашь. Может, похудеешь, лишний раз сбежав на первый.

Коллеги затаили дыхание: что-то будет. Глаза Пушенкова налились кровью:

– Ты что себе позволяешь, сучонок?! – он встал из-за стола, пошел на Звонарева – вырос, щенок? Я тебе...

– Что? – лицо капитана окаменело, глаза блеснули сталью: он сделал шаг навстречу. Рослый, широкоплечий, Капитан в эту минуту был страшен. Пушенков остановился:

– Ты за это заплатишься! Угроза старшему по званию, прямое нарушение приказа... В Нижний Тагил поедешь! Обещаю тебе – сделаю все, чтоб зачух на зоне, шельмец!

Пушок выпрямился, одернул китель и вернулся за стол. Собравшиеся прятали глаза: такого в прокуратуре не бывало.

Звонарев молча развернулся и вышел из кабинета. Он жалел, что не сдержался – Пушенков действительно может навредить, подвести под трибунал... Если комиссия опросит присутствующих, и все подтвердят слова начальника... а они подтвердят – тогда не миновать холодного уральского края.

Пока капитан спускался по давно знакомым, ставшими вдруг неуютными ступеням, в голове лихорадочно крутились мысли:

«Времени в обрез... Две... может быть, три недели, пока работает комиссия, то, се... Найти убийцу Ермолаева, найти вчерашнего стрелка, найти архив... Без поддержки – свои как от чумного будут прятаться – без зацепок, без прикрытия. Как? А хрен его знает! По обстоятельствам, другого выхода нет. Первым делом обзавестись «стволом», а там...».

Есть человек, который не предаст. Звонарев сел в маршрутку и поехал к изнывающему от скуки Юркову.

Все муниципальные больницы похожи друг на друга, как уродливые сестры – одинаково зеленые (почему всегда зеленые?) стены; одинаковый запах лекарств и хлорки; гремющий лифт с табличкой «для персонала» – больные едва ползут по ступенькам, но лифтерша никогда не проникнется: «Нельзя!» – захлопнет перед носом дверь и уедет одна...

Капитан узнал номер палаты, взбежал на третий этаж, но Николая не застал – Юрков сидел в сестринской и развлекал двух девчонок-практиканток анекдотами:

– Еще один: летят русский, немец и американец в самолете...

– Девушки, можно, украду больного на пару минут? – прервал друга Звонарев, заслужив недовольные гримаски.

– О, Саня! – Николай схватил ладонь коллеги и долго тряс – Скажи им, что я здоров! «Лежите, больной!» – передразнил он неизвестно кого – Сколько можно лежать, работать надо!

– Я к тебе по делу. Важному. Кстати... – капитан протянул пакет с апельсинами – Выздоровливай, поправляйся, что там еще в таких случаях говорят...

– Так... – коллега сразу посерьезнел, уловив тревогу – К черту формальности, излагай!

Звонарев быстро и четко пересказал все, что случилось в кабинете Пушенкова. Большое каменное лицо Юркова ничего не выражало, но капитан интуитивно чувствовал, как оно недовольно кривится – слишком долго работали бок-о-бок, научились понимать друг друга с полуслова.

– Короче, жопа – лаконично закончил капитан – теперь у меня есть лимит времени, в который надо уложиться. Ну и, по возможности, выжить: не просто так в меня палили, перешел кому-то дорогу.

– Что думаешь делать?

– Поеду, снова навещу Князя.

– А если от него стрелок? Странное совпадение, не находишь – он дает адрес, вечером едем и чудом остаемся живы.

Мимо них прошаркал тапочками столетний дед: Звонарев молчал, пока он не отошел достаточно далеко:

– Думал об этом... Вряд ли Луганского работа: ему архив нужен, а не моя голова. Смысла нет убивать – по крайней мере, на первый взгляд... Но, даже если от него, идти все равно не к кому. Если хочу успеть что-то сделать, без помощи не обойтись.

– Сань... – Юрков кашлянул – Почему для тебя важно найти убийцу? Может, правда Ерема от сердца «скопылся», а мы пустышку тянем? Да если и убийство – помер Максим, и хрен с ним: дела нет, улики нет...

– Это личное, еще с той службы. Он меня часто выручал, а то, что начал документы эти продавать, так ведь действительно с ума сошел. Психам даже убийство с рук сходит!

– Не сравнивай безумное убийство и торговлю информацией. Безумный – не безумный, а денежку получал немалую. Скурвился, и не списывай на болезнь... разве что сучью, так она врожденная! – Коля отвернулся.

– Давай проедем, для ясности – Звонарев примирительно хлопнул друга по плечу – В основном, профессиональный интерес, плюс хочется в глаза мрази глянуть, решившей нас «ухлопать».

– На меня можешь рассчитывать. День... максимум, два, я выйду отсюда. Сразу возьму за свой счет, будем работать.

– Нет, Коля, не пойдет. Один раз схлопотал пулю – мало? Ты мне в прокуратуре нужен: может, понадобится что-то узнать, «пробить»... Работай спокойно – я, как что узнаю, сразу отзвонюсь. Лады?

– Но...

– Не спорь, я старше по званию... по крайней мере, пока – Звонарев шутливо нахмурился – Ладно, поехал...

– Постой. Ты на маршрутке?

– Да, мою не сделали... наверное, уже не сделают: мастер такую сумму заломил, что проще новую купить.

– Погоди... – Юрков забежал в палату и вынес ключи – Бери мою... если она еще стоит.

Доверенность на предъявителя в козырьке.

– Вот за это отдельное тебе... Сподручнее будет – капитан спрятал ключи в карман.

– Удачи. Смотри, не лезь особо. Чуть что, звони.

– Обязательно.

Следователи обменялись крепким рукопожатием.

Из больницы Звонарев ехал с чувством приятной теплоты, знакомой всякому, кому повстречался на жизненном пути настоящий друг.

Маршрутка ехала по "Золотникам" – старому району, с изысканными домами купцов и уродливыми, выросшими за каких-то десять лет коробками торговых центров. Александр здешние кварталы изучил, как свои пять пальцев – тут прошло его детство и большая часть юности, выкурена первая сигарета и потискана первая грудь. Под гитару вечерами пелись блатные песни, спирт продавался по десять рублей "чекушка", закуску тайком несли из собственных холодильников – кто что может. Здесь же, в драке, капитану сломали нос, который с тех пор смотрит чуть влево, и здесь же был самопальный спортзал дяди Антона, где районные пацаны занимались бесплатно.

Каждый раз, проезжая родные места, Звонарев чувствовал щемящую тоску по ушедшим временам, и рано почившим друзьям – одних забрал алкоголь, других наркотики... пришла новая эпоха, новые идеи и новые удовольствия, доступные каждому.

Неожиданно капитан решил зайти к матери, благо изученными тропками всего пять минут ходу. Расплатившись с водителем, он купил в магазине торт и, петляя между старых гаражей, скрываясь под козырьками от непостоянного дождика, вышел к знакомому подъезду.

– Кто? – бдительно осведомился домофон родным голосом.

– Я, мам.

Запиликала, открываясь, дверь.

– Похудел! – мать критически оглядела капитана со всех сторон – Поди, ешь одну быструю лапшу?

Она, конечно, права...

– Да нет, хорошо ем. Держи тортик – он разулся и прошел в маленькую, знакомую с детства, кухню – Где чай?

– Погоди с тортом, садись – будем борщ есть.

– О, это мы с превеликим! – Звонарев довольно обхватил живот обеими руками.

– А врешь, что нормально питаешься!

– Надо тебе в следователи идти, вместо меня.

– Налетай, шутник – она поставила на стол глубокую тарелку наваристого, с большим куском мяса, супа.

Мать всегда была у него одна, и он у нее один – отца капитан никогда не видел... почти никогда, об этом чуть ниже – даже фотографии не осталось: ушел, когда маленькому Саше не исполнилось и года. Она никогда не говорила о нем, на вопросы не отвечала и предпочитала тему замалчивать... Подросткий сын начал выяснять настойчивее – ведь пацану нужен отец! – но, однажды заметив, как мама болезненно реагирует на такие разговоры, замыкается, становится раздражительной... просто перестал ее тревожить: родной человек дороже чужого, пусть и однокровного, родственника.

Учился Звонарев средне, много занимался спортом, с пятнадцати – как все подростки – стал пропадать на улицах... обычная жизнь обычной семьи, без особо волнительных про-

исшествий. Мать работала водителем трамвая, по двенадцать часов день-через-день, так что большую часть времени Сашка был предоставлен самому себе... или, что чаще, предоставлен к услугам Машке Орловой, признанной красавице двора и школы, которой посвятили стихов и песен великое множество. Естественно, при таком количестве ухажеров чемпион района по боксу был обласкан – кого ж брать в телохранители, как не его? – и даже дважды целован в щеку – один раз тайно, и один раз прилюдно.

Именно Машка, выскочив замуж за мелкого фарцовщика и ранив Звонарева в самое сердце, косвенно стала причиной их любви со Светой – будущая жена посочувствовала страдающему однокласснику: подошла и сказала, что все будет хорошо... Он посмотрел в ее светло-зеленые, с веселыми искорками, глаза; на милую улыбку, от которой она всегда розовела и появлялись ямочки на щеках... Предательница Орлова была забыта в ту же секунду – молодость не умеет долго быть раненой.

В общем, детство как детство, если бы не один эпизод, надолго оставивший – да и не забытый полностью до сих пор – неприятный душевный осадок.

Случилась в тот год крайне мокрая осень – это Звонарев помнил отчетливо. Мать работала на смене, Сашка пришел из школы и едва успел заварить чай – раздался звонок в дверь. На пороге стоял незнакомый потрепанный мужчина – слегка за сорок, лысоватый, с коричневым советским чемоданом и в старой, больше его головы, шляпе. Звонареву сразу не понравились глаза гостя – тускло-серые, цепкие, они буквально за секунду обежали все, за что могли уцепиться. Мужик улыбнулся во весь ряд крупных, никотиново-желтых зубов, поставил чемодан:

– Ну, здравствуй, сын!

Попытался обнять, но Санька, в свои шестнадцать наголову выше и в два раза шире, не позволил:

– Ты кто такой?

– Не узнал – вздохнул "отец" – а ведь я тебя качал, в две ладони умещался!

– Знать тебя не знаю, чушь несешь какую-то... вали отсюда! – Звонарев хотел закрыть дверь, но мужик успел протянуть фотографию: на ней мама держала тугой комок с ребенком, а рядом этот... с букетом, усами и улыбкой.

Делать нечего, провел на кухню, налил чаю. Уплетая бутерброд, новоявленный папаша рассказывал истории – одна плаксивее другой – как его, интеллигента, писателя – сопротивленца, на каторгу... Уж на что Сашка был развит, умел критически мыслить и трезво оценить ситуацию – поплыл: "Батя!". Плыли в памяти картинки, с какой завистью смотрел на Пашку-соседа, которому отец чинил велосипедное колесо и учил натягивать цепь; или как отец Юрки все время брал сына на рыбалку, а потом они вместе показывали всему двору улов...

Поев, отец сказал, что забежит вечером – мол, есть кой-какие дела с дороги. Радостный Сашка обнял его, сказал, что будет ждать и дал десять рублей – на трамвай. Конечно, едва мать переступила порог, он вывалил радостную новость... и уж совсем не ожидал, что она – как есть, в обуви и стареньком сером пальто – плюхнет на тумбочку и разрыдается в голос.

Оказалось, совсем не по "интеллигентной" статье шел папашин марш по зонам – воррецидивист, он никогда не гулял по воле больше года. Как их свела судьба с матерью, одному богу... или не богу, вряд ли он настолько жесток к людям – известно... но повстречались, и через девять месяцев родился маленький Саша Звонарев. Отец прожил с ними два месяца и снова "уехал", прикарманив обручальное кольцо материной подруги. И теперь вернулся...

Впрочем, конечно, не вернулся – не в этот день, не во все стальные. Быстро выяснилась причина – уходя, папаша «отжал» хрустальную вазу – когда только успел? – подарок от трамвайного парка на сорокалетие заслуженного работника Звонаревой.

Целый месяц – будь на улице дождь, или сухо – Сашка бродил по дворам и выспрашивал, не видел ли кто потрепанного мужика с коричневым чемоданом... Засыпая, он каждую ночь

видел, как этот... улыбается в глаза, обнимает, а сам выискивает, что поценнее да полегче спрятать... Звонарев даже тренировки на время забросил, чего не случилось никогда до этого.

Шло время – как известно, лучший лекарь. Рана затягивается, сохнет, покрывается корочкой – и все равно оставляет шрам, который всегда будет напоминать о случившемся. Сашка пришел в себя, но эта история во многом определил его выбор профессии: желание стать следователем явилось желанием быть полной противоположностью подонку-отцу.

* * *

– Санька, чего задумался? – Катерина Дмитриевна – в цветастом фартуке, с короткими, подкрашенными хной волосами, легонько толкнула сына в бок.

– А? – Звонарев несколько раз моргнул – Да, извини, вспомнилось... – кивнул на тарелку – Отлично получилось!

– Когда это я готовила, чтобы не отлично!? – она шутливо нахмурилась.

– Не помню такого! – суп вышел на славу: аромат борща наполнял кухню и заставил уже сытого Звонарева сглотнуть слюну. Навалилось состояние легкой дремы.

– Сань... – мать присела напротив – Скажи, у тебя все нормально?

– Конечно. Почему спрашиваешь? – ему стало не по себе от пристального взгляда

– Тетя Галя сегодня приснилась... Пальцем грозила чего-то...

Тетя Галя, покойная сестра матери, снилась к неприятностям с Сашкой... по крайней мере, Катерина Дмитриевна в этом уверена. Звонарев вдруг подумал, что возможно, и не напрасно уверена.

– Да нет, все отлично. Работа идет, жизнь бежит...

– Свету не видел? – смотрела в стол: знала, как ненавидит сын эти вопросы.

– Нет, мам, не видел. Да и не очень хочу, если честно...

– Я все надеюсь: может, сойдется – вздохнула, хоть и знал капитан, что неискренне: когда мать узнала, что у нее не будет внуков, расстроилась. Теперь вроде как появился шанс...

Хотелось завалиться на диван с тупеньким детективом – чтобы ни думать, ни гадать: следить за действием и отдохнуть от напряженных дней, но отпущенное время следовало использовать по полной.

– Ладно, мам, поеду я. Дел по горло, не отдохнешь...

– погоди, а торт? – она достала коробку из холодильника.

– Ну, какой торт, ты чего, полный живот! Да и грех после такого борща есть это! – он презрительно ткнул пальцем в яркую упаковку.

Она качала головой, убирая лакомство обратно, но по глазам понял – довольна комплиментом, порадовалась.

– Ты заезжай почаще, мне скучно одной – Катерина Дмитриевна провела ладонью по его коротким черным волосам – все больше седых...

– Скоро бес в ребро! – он поцеловал мать в теплую, пахнущую родным домом щеку – Скоро еще заеду.

– Обещаешь только...

Выйдя на улицу, капитан отыскал глазами окна – Катерина Дмитриевна, как всегда, стоит и машет ладошкой. Он улыбнулся, помахал в ответ и пошел на остановку, ощущая странный дискомфорт – так бывает, если прощаться с чем-то дорогим и надолго.

Глава 9

Машину Юркова на «Чугунке» не тронули – то ли и впрямь такой уродливой оказалась, то ли ночной переполох насторожил местных – «девятка» стояла в полном порядке: Звонарев открыл дверь и уселся за руль. Мотор несколько раз чихнул, сопротивляясь, но ожил – хрюкнув коробкой передач, капитан покинул убогий двор и поехал в сторону центра.

Вчерашняя боль в плече не обманула – дождь, зарядивший с утра, не думал прекращаться: вода билась об асфальт и дома, раскрашивая мир в скучные краски. В неудержимых ручьях вдоль обочины несли мусор – пакеты, сигаретные пачки, цветные обертки... Пешеходы торопились укрыться в ближайших магазинах, автолюбители с трудом вглядывались в мокрые разводы на стекле – и все под тяжелым небом, будто озлобившимся на жару.

В «Звезде» собрался народ, но дюжие охранники не пускали дальше порога – чтоб не топтали грязью сверкающий пол. Массы побогаче входили и заказывали чашку кофе, сравнимую по цене с хорошим обедом; победнее жались в тамбуре, между первой и второй дверями, неодобрительно поглядывая на равнодушных security. Две женщины громко, на публику, осуждали разгул капитализма.

– Куда? – охранник ладонью остановил Звонарева – Для посетителей.

– Князь тут?

– Не знаю такого! – парень напрягся.

– Скажи, Звонарев интересуется.

Security что-то сказал коллеге: тот быстро ушел и через минуту вернулся:

– Проходите. Анатолий Вячеславович в кабинете, ожидает.

Провожаемый недобрыми взглядами, капитан пересек запретную линию и, по указанию охранника, вошел в служебные помещения.

Кабинет Луганского смотрелся шикарно – под стать хозяину: большой стол красного дерева, где переливается в свете люстры зеленый малахит письменных приборов; в углу кожаный диван и столик, с разбросанными глянцевыми журналами «Бизнес» и, почему-то, «Космо»; шкаф с книгами – Звонарев разглядел корочки Донцовой, Марининой и Дашковой... Сам хозяин удостоил гостя мимолетным взглядом и продолжил играть на компьютере – судя по звуку мотора, в гонку.

– Любишь женскую литературу? Тесты проходишь? – капитан сел в удобное кресло напротив хозяина.

– Жены кабинет, она за директора. Падлы! – Князь замахнулся кулаком на клавиатуру, но не ударил – Сколько зарекался не играть, нервы не портить!

– Так не играй.

– Скучно – Луганский откинулся на спинку – Чего пришел?

Еще по дороге Звонарев решил, что Князю стоит говорить правду, иначе никакого сотрудничества не получится:

– Помощь нужна...

И он коротко рассказал о событиях, начиная с вечера: по мере рассказа лицо авторитета все больше мрачнело.

– Плохо! – Князь покачал мощной головой – Беспредел непонятный твориться. Я-то думаю, с утра мус... ваши сотрудники лютуют, пацанов чуть ли не спецназом берут, все офисы перерыли-переломали... Теперь ясно, почему.

– Такая история. Мне идти, по сути, некуда: никто не станет со мной разговаривать, тем более чем-то делиться.

– На меня думаешь? – Луганский проницательно улыбнулся – Что мой стрелок работал?

– Не знаю – капитан постарался выглядеть равнодушным, хотя вопрос царапнул – Но... нет, не думаю: смысла не вижу меня «исполнять». Ничего не нашел, не узнал...

– Я бы не стал делать – Князь встал и подошел к чайнику – Даже не потому, что мы одно-классники и когда-то дружили – сентиментальностью давно не страдаю: потому что покушение на сотрудника убивает планы «на корню»: страдают все, бизнес останавливается, кто-то основательно «уезжает» за колючую... Так что, могу тебя уверить, я знать-не знал об этом говне.

– Верю – Звонареву стало чуть спокойнее – А что насчет помощи?

– Конкретнее?

– Вдруг надо будет что-то узнать... или пообщаться... Твоя рекомендация – лучшая помощь.

– А потом вернешься в контору и сдашь людей: на такое не пойду. Если через меня, пожалуйста, спрашивай – люди все узнают.

– Уже неплохо: тем более, пока у меня есть, чем заняться. Еще одно...

– Ну?

– «Ствол» нужен.

– Обалдел? – Луганский вытаращил глаза – У меня откуда?

– Толя, хорош – капитан улыбнулся – Мы оба знаем, кто ты и что ты. Без оружия меня «завалют» на раз, даже ответить не смогу. Один раз попытались – не получилось, думаешь, второй попытки не будет?

Князь молча разливал кипяток по двум чашкам: кабинет наполнился терпким ароматом хорошего кофе. Одну протянул Звонареву:

– На. Ладно, посмотрим, что можно сделать: конечно, не я сам, но вдруг кто-нибудь, случайно, узнает о твоей проблеме и поможет... Значит, говоришь, ты вроде как и не мент больше? В Тагил намылился?

– Похоже на то – капитан отхлебнул – Начальник для этого все сделает.

– Бывал я там, на тринадцатой. Ничего зона – сук много, но это неудивительно: наполовину красная, наполовину наша... И дым завода едкий – местные привыкли, не чувствуют, а приезжим пованивает.

– Надеюсь, не придется нюхать. Найду архив, представлю вышестоящему... зачтется.

– Кстати...

– Я помню твою просьбу. Если выгорит, информацию отдам... Считаю, в уплату долга, за помощь.

– А что с квартирой? Нашли что-нибудь полезное?

– Ничего... – Звонарев неожиданно вспомнил о двух пузырьках с лекарствами, стоящих на тумбочке в прихожей: с последними событиями вылетело из головы – Только непонятные таблетки, с мудреными названиями.

– Какими? – Князь заинтересовался.

– Не помню. От руки написано.

– Бутылек оранжевый? Небольшой?

– Ну, вроде...

– Я недавно у врача был, с... ну, неважно, с чем – Луганский смутился – Короче, он рецепт выписал, в аптеке такие пузырьки дали, с этикетками самодельными. Там имя указывается, внизу, а на штампе больница, где работает. Может, имеет смысл навестить «лепилу»?

– Может... – идея действительно хороша – Все ниточка, а то я даже не знаю, с какой стороны подступиться.

Луганский кивнул. Некоторое время сидели молча.

– Ты удостоверение сдал? – нарушил тишину Князь.

– Да.

– И как будешь с людьми разговаривать, вопросы задавать?

– Я обаятельный – пошутил Звонарев, хотя на самом деле думал об этом: без бумажки ты, как известно... – Выкручусь.

Луганский поднял телефонную трубку, попиликал кнопками:

– Юра? Зайди с фотоаппаратом.

Через минуту в кабинете появился невысокий паренек лет двадцати. В руках у него болталась дорогая «зеркалка» «Никон»:

– Звали, Анатолий Вячеславович?

– Саня, встань к стене: пусть щелкнет.

– Зачем? – капитан настороженно следил за манипуляциями – Ты чего задумал?

– Делай, что говорят. Хотел помощи – получите-распишитесь. Вставай!

Звонарев встал к стене: паренек умело настроил аппарат и сделал снимок. Князь в это время что-то писал на листке бумаги. Протянул бумажку фотографу:

– Сделай быстро. В лучшем виде.

Тот кивнул и вышел.

– Что – капитан снова сидел в кресле – «Заказ» на меня оформил?

– Чтоб не путался под ногами – хохотнул Луганский, устраивая грузноватое тело за столом – Короче, сиди еще полчаса – вон, книжку почитай: потом скажу... у меня дела...

Хоть он и убавил до максимума звук, капитан услышал рев моторов и визг покрышек...

Книгу брать не стал – полистал журнал, другой... наконец, задремал – шум дождя за окном убаюкивал, Князь молчал...

– Эй, спишь? – легкий толчок вырвал Звонарева из полудремы.

– Нет. Что?

– Все: езжай по своим делам – Луганский зевнул – тоже в сон клонит!

– И ты мне ничего не дашь? – капитан был уверен, что Князь достанет оружие.

– Я же сказал: я предприниматель, а не дон Корлеоне. Давай, дел по горло. – Толя демонстративно уткнулся в какую-то бумагу.

Звонарев, не прощаясь, вышел из кабинета, снова просочился сквозь массу людей на входе и сел за руль. С чего решил, что жулик будет помогать менту? Во всех жизненных ситуациях у Князя свой интерес – в данном случае, «палиться» не входило в его планы... как, впрочем, и всегда...

За размышлениями капитан не сразу заметил обычный пластиковый пакет на пассажирском сиденье: долго с недоумением смотрел, силясь вспомнить, был он или нет... Наконец, осторожно приподнял краешек – бомба?... Ничего не взорвалось – внутри тряпка и что-то красненькое...

Уже смелее, Звонарев высыпал «подарок» на сиденье – сразу узнал родное удостоверение. Открыл – он, в форме... «майор Рубин, прокуратура» – стало ясно, для чего понадобился фотограф.

Осторожно развернув тряпку, взял в ладонь рукоять матово-поблескивающего «ТТ». Проверил обойму – полная – щелкнул затвором и сунул пистолет за ремень. С души будто Эверест сполз – теперь, в случае нападения, он не будет овцой и сможет по возможности дорого продать свою шкуру.

Капитан завел двигатель и поехал домой, за лекарствами – Князь прав: когда клиент безумен, начать стоит с лечащего врача.

Глава 10

Как и предполагал Звонарев, на штемпеле значилась психиатрическая больница номер один. Серый четырехэтажный короб здания, окруженный сеткой рабицей, всегда пугал капитана – веяло от него безысходностью и какой-то мутной, бесконечной тоской. Возможно, дело в тишине окружающего леса, с мощными, протыкающими небо соснами, или в безлюдье, лишь изредка нарушаемом одинокими машинами... а может быть, в осознании, что никто не застрахован от этого места – в старости ли, совсем скоро, можно попасть и не иметь шанса выбраться.

На проходной старик-охранник тщательно списал паспортные данные, вызвал дежурную сестру; та, в свою очередь, провела капитана дальше, в белые двойные двери, за которыми пряталась регистратура.

За стойкой пожилая женщина в белом халате читала газету.

– Добрый день, не подскажете, как найти этого врача? – Звонарев протянул один из пузырьков – Разобрать фамилию не могу...

– Веретенников – безошибочно определила регистраторша, едва взглянув на этикетку – Он на смене, «буйное» отделение.

– Как туда попасть?

– Вы по какому вопросу? – насторожилась, даже газету положила – Приемное время с трех до пяти.

Настенные часы за ее спиной показывали час дня.

– Прокуратура – протянул удостоверение – Кап...

«Там же майор! Какая фамилия???».

К счастью, не понадобилась – магическое слово прокуратура и красные корочки возымели действие – женщина быстро сняла трубку и набрала трехзначный номер:

– Клавдия Васильевна? Тут к Веретенникову, из прокуратуры, нужно проводить... Ага, поняла. Сейчас подойдет врач, ответит вас.

– Спасибо.

Пока ждал, капитан осторожно заучил новую фамилию. Порадовался фотографии – симпатичный в жизни, он никогда не получался на снимках – даже в детстве, когда все, страшные в том числе, выглядят мило.

– Это вы из прокуратуры? – появилась миловидная женщина, около сорока, в халате и шапочке.

– Да, майор Рубин. К... – Звонарев смутился, не зная, как назвать психиатра – доктору? – врач кивнула – к доктору Веретенникову.

– Пойдемте.

Потянулись одинаковые белые коридоры, разделенные дверьми без ручек. Иногда встречались больные – в полосатых пижамах, они все улыбались: один – тощий, лет пятидесяти, мужик – даже рукой помахал в знак приветствия. Капитан помахал в ответ и поспешил отвернуться – тяжело смотреть на них, запертых, но не осознающих этого.

В «буйном» праздно шатающихся не было, да и сам коридор отличался – мощные двери, яркие галогеновые лампы по всей длине...

– Пришли – врач остановилась возле двери с табличкой: «Веретенников О.В.».

– О.В. это...

– Олег Валентинович.

– Спасибо – капитан негромко постучал и приоткрыл дверь – Можно?

– Войдите.

Врачу на вид не больше тридцати пяти – высокий, широкоплечий, он стоял возле книжного шкафа и внимательно изучал посетителя. Халат расстегнут, под ним хороший спортив-

ный костюм; на левом запястье поблескивают золотом часы; на пальце массивный перстень с черным камнем... доктор Веретенников совершенно точно не бедствовал.

– Слушаю.

– Прокуратура, Майор Рубин – Звонарев протянул удостоверение: врач без интереса глянул и вернул – Есть несколько вопросов о вашем пациенте.

– Вся информация конфиденциальна: боюсь, без соответствующего постановления разговора не получится – Олег Валентинович сел за стол.

– Речь идет об убийстве, и ваше поведение может быть расценено, как препятствие следственным действиям.

– Убийство? – он слегка напрягся – Кого, можно поинтересоваться?

– Ермолаева, Виталия Петровича.

– Хм – доктор повернулся к монитору, пощелкал кнопками клавиатуры – А, теперь вспомнил: СРЛ.

– Это что такое? – Звонарев вынул из кармана купленный по дороге блокнот и ручку – Если можно, обычным языком.

– Можно. СРЛ – синдром расщепления... или раздвоения, личности. В принципе, явление не такое уж редкое, но в случае с Ермолаевым довольно тяжелое.

– Подробнее...

– Пришел в больницу сам... Секунду... – врач сверился с записями – Да, полгода назад. Головные боли, длительные провалы в памяти, некоторые внешние изменения...

– Изменения?

– Незнакомая одежда, вещи, предметы... Представьте – помните понедельник, а в себя приходите в пятницу. Все, что между, сплошная завеса мрака: зато в квартире полно чужих вещей, а иногда и людей...

– У него и люди знакомые были?

– По его словам... Новая личность постепенно захватывала больше времени – мы фиксировали проявление в течении недели; потом короткая вспышка естественного сознания и вновь долгий приступ.

– И откуда эта личность взялась?

– Понятия не имею: моя задача избавиться от нее, а не копаться в придуманных историях. Надо сказать, что случай получился интересным – новый Ермолаев кардинально отличался от оригинала: можно сказать, это и впрямь разные люди в одном теле.

– И в чем конкретно проявлялись различия?

– Во всем – Веретенников снова сверился с записями – Ермолаев-нормальный был крепким, основательным человеком, бывшим сотрудником милиции, профессиональным военным... Ермолаев – больной помнил военные навыки, но не мог объяснить их появления. В то же время, были и индивидуальные черты новой личности – маниакальная подозрительность, страсть к чистоте, асоциальный взгляд на мир...

– Какой взгляд?

– Асоциальный. Новая личность терпеть не могла людей, считала их продажными тварями, мечтала положить этому конец. Ермолаев во время приступа говорил – правда, без уточнений – что у него есть способ разом «свалить» гнилое дерево и вырастить новое... Он никогда не уточнял, поэтому более детально к вопросу я не возвращался.

– Понятно. Значит, он у вас лежал в стационаре?

– Да. Пять месяцев.

– Почему выписали?

– Устойчивая ремиссия. Ермолаев справился со стрессом, перестал сторониться бесед, повеселел... В целом, я считаю, мы его вылечили.

– Это вряд ли... – буркнул Звонарев, дописывая информацию в блокнот – Значит, у вас можно показаться здоровым, и выписаться? Так просто?

– Нет, разумеется. Невеста дала расписку, что понимает и принимает ответственность за состояние больного...

– Невеста?

– Да.

– Как мне посмотреть расписку? – снова появление таинственной женщины...

Веретенников снял трубку, набрал номер и отдал распоряжение.

– А записи с камер наблюдения можно посмотреть?

– Хотите увидеть ту женщину, невесту? – Звонарев кивнул – К сожалению, тут я вам не помогу: записи хранятся месяц, а Ермолаев выписался полтора назад. Могу описать, если поможет...

– Попробуйте.

Врач ненадолго задумался:

– Среднего роста, брюнетка, по виду около тридцати пяти-сорока. Приятное лицо, но, на мой взгляд, перебор с косметикой...

– Вы так хорошо ее запомнили?

Капитану показалось, что Веретенников смутился:

– Не то, чтобы хорошо... Эффектная, такие запоминаются. Одета дорого, золото на пальцах, с камнями... Вроде все.

– Негусто – Звонарев убрал блокнот – Что еще можете сообщить?

– Все... впрочем, секунду!

Он открыл ящик стола и вытащил пухлый ежедневник. Полистал:

– Друг Ермолаева приходил: один раз, но оставил номер телефона – просил сообщить, когда больному станет лучше. Нужен?

– Диктуйте.

Пока капитан записывал, появилась давешняя женщина-врач и протянула выписной листок. Звонарев пробежал текст глазами, но ничего не разглядел – почерк и почерк – нужно отдать графологам, они разберутся, что к чему.

Попрощавшись с Веретенниковым, капитан вышел из больницы и сел в машину. Набрал Юркова:

– Коля, что говорят, когда выписывают?

– Вроде завтра... Ты как?

– Нормально. Нужно, чтобы ты через своих отдал документик графологам, пусть нарисуют псих-портрет, и номерок один пробить, сотовый.

– А сам почему... хотя да, ты же чумной... Понял, сделаю. Что еще?

– Пока вроде все... Давай, я номер сейчас продиктую, ты позвони там... Надо навестить человека.

– Говори, записываю.

Продиктовав номер, Звонарев включил музыку громче и поехал в центр. Не шла из головы таинственная «невеста» – кто, что... Не верилось, что новая личность Ермолаева настолько прижилась, что умудрилась обзавестись собственной бабой. Неужто так запустил болезнь? Тогда зачем пришел в больницу? Почему поздно? Что за друг, и чей конкретно друг – Ермолаева или бабы? – появлялся в больнице?

Вопросы тянулись нескончаемым поездом – чем больше их возникало, тем больше новых рождалось. Устав быть своеобразным перроном, Звонарев усилием воли отключил размышления и просто катался по городу, радуясь прояснившейся погоде и симпатичным полуголым девчонкам, выскочившим на разогревающееся солнце.

Глава 11

Николай позвонил на следующий день:

- Саня, с графологами договорился, привози бумажку.
- Выписался? – Звонарев ухмыльнулся: Юрков – да не выпишется?
- Кое-как ноги унес! Врачи страшнее бандитов!
- Понял... а что с номером?
- Тоже пробил. Давай у «Павильонки», через тридцать минут.
- Буду.

Звонарев – в обычном спортивном костюме и белых кроссовках – вышел из дома, прыгнул в машину и поехал к кафе.

«Павильонка» расположилось в десятке метров от прокуратуры. Крошечное – пять столиков внутри и два на улице – с одним официантом, без бара, оно не привлекало случайных гостей ни изысканными напитками, ни хотя бы минимальным сервисом. В то же время, попасть сюда в обед – дело, сродни чуду: со всех концов города ехали машины, люди терпеливо занимали очередь, общались... и все для того, чтобы отведать потрясающей стряпни Алика, местного повара и, по совместительству, хозяина.

Алик – толстый, шустрый, не то грузин, не то азербайджанец, выходил к каждому гостю, здоровался, интересовался здоровьем... ритуал совершал. Всегда в идеально белой поварской шапочке, еще заметнее оттеняющей смуглую кожу, в женском фартуке, с трудом покрывающим обильный живот, он выглядел комично, но в то же время удивительно гостеприимно – будто приезжаешь домой или к хорошему другу. Еще он не выговаривал многие слова, и никогда не обижался, когда посетители добродушно поправляли – благодарил и жал руку с широкой, заразительной улыбкой: не улыбнуться толстяку в ответ невозможно.

У Звонарева с Юрковым в «Павильонке» особый блат – Алик неудачно вложил деньги в золото, оказавшееся дешевой крашеной медью. Сумма небольшая, но хозяин кафешки рвал на голове волосы – родня ждет, отец-мать ждет, дальние родственники ждут – вложил все, что накопил за три месяца работы. Сунулся в милицию, даже на преступника указал – попал на капитана, что частенько заходил обедать: тот объяснил – в лучшем случае, на что стоит рассчитывать – постепенное погашение материального ущерба за счет тюремной зарплаты мерзавца.

Алик написал заявление и отправился домой. Так бы и пропали деньги, не узнай о беде следователи. Решили помочь.

Мишка Снегирь, «золототорговец», с милицией и прокуратурой дел никогда не имел – числился сварщиком на заводе и парнем, в общем-то, неплохим, только хитрым. Да ему и не сказали, что прокуратура – Юрков, в спортивном костюме, с арматуриной, толщиной в Мишкину голову, выглядел страшно. Звонарев помог – нагнал страху: «Найдут тебя, фраер, с пикой в боку, за «кидок» подлый!» и все в прочее, в духе «а-ля девяносто два»... Следующим утром Алик кормил следователей отборным мясом и от души благодарил – Мишка одумался и деньги вернул. Азербайджанец заявление забрал и с Мишкой теперь дружит.

Теперь, обед – не обед, а Звонарев с Юрковым места всегда находили. Так и теперь – два часа дня, на улице очередь, а Юрков сидит внутри прохладного павильончика и с аппетитом жует сочащийся кусок мяса.

- Приветствую – капитан плюхнулся рядом и пожал коллеге руку – Как мясо?
- Нормуль. Будешь?
- Да нет, поел недавно. Что рука? – Звонарев кивнул на перевязь – Болит?
- Царапина, я ж говорил. Даже не сквозное – поверху прошло. Давай по делу – где образец?

– Вот, держи... – капитан протянул листок – Это почерк бабы, из морга... я думаю, что той. Короче, стоит проверить.

– М-м – Николай спрятал бумагу в нагрудный карман кителя – Отдам. Попрошу быстрее, но ты знаешь...

– Обещай коньяк, пусть торопятся: у меня не так много времени.

– Постараюсь.

– Что с номером?

– Зарегистрирован на Рогачева, Сергея Петровича. С ним интересно...

– Рассказывай.

– Я по базе проверил. Военный: шесть командировок в горячие точки, имеет ранения и медали. Ныне сотрудник ЧОП «Возмездие».

– И что интересного?

– «Возмездие» это – контора такая... Бывшие менты, военные, силовики – полный набор. Никому не подчиняются, урки – и те сторонятся, от греха. Не знаю, будет он говорить, или нет.

– А чего молчать? – резонно возразил Звонарев – Если есть, что скрывать... тогда его в оборот, по полной... а если нечего, тем лучше: авось, куда и выведет.

– Просто имей в виду, ребятки там непростые – шутить не станут. Может, с тобой поехать? Ты без удостоверения, без «ствола»...

– Кхм...

– Чего хмыкаешь? – Николай уставился подозрительно.

– В горле першит – Звонарев хотел сказать правду, но вовремя прикусил язык – не знал друг, значит, и сообщить не мог, куда следует – не хватало еще неприятностей добряку Юркову создать... – Не надо, Коля, со мной ехать: по-свойски поговорю с мужиком, воин воина поймет. А не захочет, тогда уж вместе...

– Смотри... – Николай доел мясо и сыто жмурился – Я на связи.

– Отзвонюсь, как что – капитан встал – ставлю в известность, машина в порядке. Можешь не волноваться.

– Я и не волновался. Заявку на кредит оформил – хочу «Рено» взять.

– Правильно, давно пора. Ладно, поехал.

Звонарев спрятал в карман салфетку с нужным адресом и вышел. Солнце разжарилось не на шутку, от кузова «девятки» валил пар... капитан даже представлять не хотел, как там внутри. Сел, быстро завел двигатель и рванул на полной мощности по дороге, чтобы хоть чуть-чуть остудить салон.

Глава 12

Дом Рогачева – новая красная "десятиэтажка" – высился в глубине двора, укрытый со всех сторон двухметровыми бетонными плитами. На КПП два охранника проверили документы Звонарева, поинтересовались целью визита, но ворота не открыли – один из security позвонил хозяину, доложил – и, только получив разрешение, нажал кнопку. Скрипя, массивный железный заслон пошел в сторону.

Капитан проехал несколько метров по вылизанному двору – мельком подивился вычурным, в старинном стиле, беседкам – и остановился возле широких каменных ступеней. Не успел выйти, к водительскому окну подбежал еще один охранник, снова проверил документы... В подъезде, пахнувшем хорошим одеколоном и вкусным дорогим табаком – еще один, здоровый амбал с рыбьим лицом – и снова по кругу: документы, цель визита, звонок хозяину квартиры... Когда Звонарев остановился перед нужной дверью, его кулаки непроизвольно сжимались и разжимались, а лицо заметно пылало.

Звонить не пришлось, хозяин вышел сам:

– Майор Рубин?

– Что, хотите проверить документы? – капитан одернул себя: начинать с грубости не стоило.

Вопреки ожиданиям, Рогачев улыбнулся:

– Понимаю. Ко мне и гости не любят ходить – выматывает. Прощу.

Широким жестом он пригласил Звонарева в квартиру.

Хозяину на вид лет пятьдесят – ширококостный, массивный, он, тем не менее, производил впечатление очень ловкого человека: аккуратные, мягкие шаги, точные – ни одного лишнего! – движения... Даже не знай капитан, что перед ним военный, он сразу определил бы тренированного бойца. Ассиметричное лицо и сломанные уши выдавали дерзкий характер; карие – почти черные – глаза смотрят вызывающе и чуть надменно. Одет в хороший спортивный костюм и, не вяжущиеся с общим впечатлением, мягкие розовые тапочки с заячьими ушами.

– Чем могу? – на кухне, забитой техникой и безвкусно-яркими картинками, он включил кофе-машину.

– Вы знали Ермолаева, Виталия Петровича? – Звонарев намеренно перешел сразу к делу: рука хозяина едва заметно дрогнула.

– Допустим, знал. И что?

– Убили.

– Вы что-то путаете: дело закрыто, обширный инфаркт.

То, что все – Князь, этот непонятно кто – знали о внутренних делах прокуратуры, начало капитана обескураживать.

– Не путаю. Убийство. Пытаюсь выяснить, что и как.

– Профессиональная этика? – Рогачев закурил – знакомо, сам военный. Так, выходит, визит носит частный характер?

Капитан мотнул головой – догадливость собеседника удивляла: знал, что нельзя судить по внешности, а тут... усилием воли заставил себя собраться.

– Спрашивайте. Чем смогу, помогу – Хозяин квартиры, в две затяжки прикончивший сигарету, раздавил окурок в пепельнице.

– Как давно вы знакомы с Ермолаевым?

– Давно... Лет пятнадцать, еще с Чеченской. В Грозном познакомились, через кашу трупную пробивались. Меня ранили: Ерема подхватил и до медика тащил. Такая дружба дорого стоит.

– И последние годы дружили?

– Когда у него "крыша потекла"? – хмыкнул невесело – Он меня не узнавал, а я да, присматривал, как бы чего...

– Понятно... – внезапно у Звонарева кончились вопросы: что еще можно спросить, и как это делать тактично?

– Майор... – хозяин будто мысли читал – про архив этот гребаный спросить хочешь? Ну, так будь мужиком, спроси прямо!

– Ты его видел?

– Архив? Никогда – Рогачев принял форму общения на "ты" – Знать о существовании знаю, а видеть не видел. Ерема, когда в уме был, никогда о нем не упоминал... знаешь, я подозревать стал, что в уме он и не знал о нем. А тот, второй... даже говорить об этом дико! – второй Ерема жучара был страшный, реально будто другой человек... или бес какой вселился.

– Веришь в бесов?

– Я как-то домой к нему заехал, узнать, как дела... Ерема открывает – при параде, будто в гроб ложиться – спрашивает: "Что надо?". Я ему: "Дружище, это ж я, с пузырьком – давай, по старой памяти!". А он мне... ты знал его? – Звонарев кивнул – Тогда знаешь, за словом в карман не лез – так завернуть мог, что любо-дорого. А тут: "Извините, мы не знакомы. Будьте добры не тревожить...", ну и все в таком духе. И дверь захлопнул.

– Лихо.

– Да... Жутко становится – я смерти повидал достаточно, но тут... не по себе. Из одной банки тушенку жрали, и вдруг перед тобой другой человек. – Рогачев закурил еще одну сигарету – руки заметно подрагивали: действительно, пуганул мужика чужой психоз...

– Говоришь, присматривал за ним... кто мог желать ему смерти? Или, может, о бабе его знаешь?

– Да кто угодно. – Рогачев пожал мощными плечами – Про бумажки многие в городе знали, с разными предложениями подкатывали. Может, кто особо пугливый и не сдержался. А баба... никогда не слышал: да и как приглядывал – не следил же! – просто, как что всплывало, проверял, чтоб никто злого не замыслил.

– Про убийство... ведь, если архив всплывет, будет хуже, в том числе тем, кто убил.

– Не все умеют просчитывать варианты: сначала вредят, потом жалеют. Кстати, с чего ты решил, что его убили?

Капитан помолчал – не знал, стоит ли делиться информацией. Но Рогачев, если причастен, "спалится", попытавшись его убрать, а если чист – может, что и подскажет...

Он вкратце пересказал историю с моргом, визит к матери, попытку убийства... Когда закончил, хозяин сидел в глубокой задумчивости.

– Дела... И что по этому гадству думаешь?

– Ничего. Иду от точки к точке.

– Стрелок, убийство... канитель неслабая – Рогачев почесал седоватую голову – Кто-то, видать, очень против, чтоб ты копошился. Даже, честно сказать, не соображу, что посоветовать... Могу охранника дать, но – сам знаешь – если захотят, "положат" в любом случае.

– Не надо охранника, информация нужна: даже не знаю, куда от тебя ехать, кого выспрашивать... Ты сказал, заезжал к нему. На "Чугунку"?

– Нет, на Фрунзенской: что Ерема-франт мог забыть в гетто?

– Дашь адрес?

– Погоди... – хозяин вышел на минуту и вернулся с iPad – записывай.

Звонарев черкнул адрес на предложенном листочке. Протянул свою визитку Рогачеву:

– Если что вспомнишь...

– Наберу. Тоже звони – людьми, еще чем, всегда помогу. По своим каналам попробую узнать – может, "заказ" на тебя где всплывет.

– Даже так? Не зря болтают про "солидность" вашей организации.

– Может, мы и коммерческая структура, но курв среди нас нет. Найдем убийцу – сладим, самосуда не будет.

– Похвально – не поверил, но злить хозяина не стал – Ладно, тогда "на созвоне"...

В машине капитан открыл окна и задумался. Рогачев не врал, хоть и информацией не помог... В сложившейся ситуации любое содействие – капля воды умирающему: обещал помочь – уже неплохо. Есть адрес поддельного Еремы – вероятно, такой же поддельный, как и вся личность, но след. И... и больше ничего. Начинала терзать подлая мыслишка – вдруг действительно инфаркт? Стреляют теперь из-за архива, ищут, воюют... а капитан Звонарев влез между воюющими, как тупорылая героиня ужастика, впотьмах бредущая на чердак выяснить, кто воет... Отстранили, может быть, даже посадят – так, опять же, из-за проявленной инициативы, дело-то закрыли...

Звонарев тряхнул головой и завел двигатель – надо было думать раньше: теперь осталось идти до конца и надеяться, что все догадки-додумки окажутся верными.

Да и не архив интересовал капитана – плевать на бумажки, пусть урки хоть на части друг-друга рвут. Главная цель – убийца. Рогачев сказал – найдут и самосуда не будет... Звонарев такой фразы произнести не мог – даже про себя.

Жара усиливалась – столбики термометров давно проскочили отметку тридцать. Спортивная куртка капитана перестала быть приятной и липла к телу, с коротко стриженных висков бежали струйки пота... казалось, все – даже погода! – работало против него.

Глава 13

На звонок никто не отозвался. Капитан прислонил ухо к полотну, силясь разобрать больше... ничего, ни единого шороха. Помедлив, нащупал в кармане отмычку.

Две минуты – и непрístupная, как Атлант, дверь, распахнула объятия. В нос ударил запах дорогого табака, одеколona и еще... сладковатый, едва уловимый и, тем не менее, знакомый запах... Реакция капитана сработала мгновенно – в следующую секунду ладонь сжала рифленую рукоять "ТТ".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.